

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2023

Казань - 2023

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №1 2023г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2023. – 64.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*А.С. Афанасьев – д.филол.н., доцент; Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., профессор;
Г.В. Ивишина – д.пед.н., профессор; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Ю.М. Кудрявцев – д.пед.н., профессор; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор; О.В. Чевела – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

5.9.2. – ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)

- М.В. Аксёнова, Е.И. Никанорова, Т.Н. Плесканюк* ОБРАЗ РОССИИ
В РЕЦЕПЦИИ У.С. МОЭМА НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛЛЫ «БЕЛЬЁ МИСТЕРА
ХАРРИНГТОНА» (1928) 6

5.9.5. – РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)

- О.О. Есафьева, И.В. Зосимова, Н.А. Просина* СТИХОТВОРНЫЙ ТЕКСТ
И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ 9
- Ц.Ц. Огдонова* ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ОДЕЖДА» В ДИАЛЕКТНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ 12
- А.С. Онегина, Е.Н. Коростенко* ДИАЛЕКТНАЯ ПРОМЫСЛОВАЯ ЛЕКСИКА
В СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА
РАССКАЗОВ Е.Ш. ГАЛИМОВОЙ «СЕРЕБРЯНАЯ РЫБИНА») 15
- И.В. Родионова* ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К НАПИСАНИЮ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ
РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ 19
- А.Б. Черняева* ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ
КОНЦЕПТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА С. ЕСЕНИНА) 24
- Т.С. Шевченко* РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРАГМАТОНИМАХ,
ОСНОВАННЫХ НА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА 28
- И.В. Шерстяных* ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО *ГОВОРЯ* В МЕТАТЕКСТОВОЙ
ФУНКЦИИ 30

**5.9.6. – ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)**

- Д.О. Алимбеков* ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ НЕОЛОГИЗМОВ
И СЛЕНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ 36
- Р.И. Бачиева, Л.В. Олифиренко, В.Б. Черемина* ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ТВОРЧЕСТВО» В МОТИВАЦИОННОЙ
КНИГЕ Э. ГИЛБЕРТ «БОЛЬШОЕ ВОЛШЕБСТВО» 39
- Е.И. Кривошеева, М.С. Секерина, В.А. Кондратенко* РОЛЬ
ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЯПОНСКИХ
ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ 42

**5.9.8. – ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)**

- Н.В. Зененко, Л.П. Сон* КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЭТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА: ФЕНОМЕН БИПОЛЯРНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
КУБИНСКИХ ПОЭТОВ) 45
- Э.И. Котелевская* КАРТИНА МИРА И СПЕЦИФИКА ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 50

<i>Л.В. Хатухова</i> КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ ПОЗИЦИОННЫХ ГЛАГОЛОВ В ЗНАЧЕНИИ <i>СИДЕТЬ</i> (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНСКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	53
--	----

5.9.9. – МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)

<i>В.И. Антонова, Д.А. Бакеева, Н.М. Фролова</i> ПРИОРИТЕТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЖАНРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ	56
---	----

АННОТАЦИИ	59
------------------	----

THE RELEASE MAINTENANCE

5.9.2. – LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD (PHILOLOGICAL)

- M.V. Aksenova, E.I. Nickanorova, T.N. Pleskanyuk* THE IMAGE OF RUSSIA IN THE RECEPTION OF W.S. MAUGHAM ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "MR. HARRINGTON'S WASHING" (1928) 6

5.9.5. – RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA (PHILOLOGICAL)

- O.O. Esafeva, I.V. Zosimova, N.A. Prosina* POETIC TEXT AND SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSION 9
- Ts. Ts. Ogdonova* FEATURES OF THE REPRESENTATION OF THE THEMATIC GROUP «CLOTHES» IN DIALECT LINGUOCULTURE 12
- A.S. Onegina, E.N. Korostenko* DIALECT TRADE LEXICON IN THE MODERN NORTHERN TEXT (BASED ON THE COLLECTION OF STORIES BY E.SH. GALIMOVA "SILVER FISH") 15
- I.V. Rodionova* ISSUES OF TRAINING FOREIGN SERVICEMEN TO WRITE A FINAL QUALIFYING WORK IN THE PROCESS OF LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE 19
- A.B. Chernyaeva* THE NATIONAL CONCEPTS REPRESENTATION FEATURES DURING THE LITERATURE STUDY IN THE RUSSIAN LANGUAGE CLASSES FOR FOREIGN AUDIENCES (BASED ON THE WORKS OF S. ESENIN) 24
- T.S. Shevchenko* REPRESENTATION OF RUSSIAN CULTURE IN PRAGMATONIMS BASED ON CULTURE-SPECIFIC RUSSIAN LEXIS 28
- I.V. Sherstyanykh* A DISCURSIVE WORD *SPEAKING* IN A METATEXT FUNCTION 30

5.9.6. – LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES) (PHILOLOGICAL)

- D.O. Alimbekov* AN ECOLINGUISTIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF NEOLOGISMS AND SLANG IN SOCIAL NETWORKS 36
- R.I. Bachieva, L.V. Olifirenko, V.B. Cheremina* CHARACTERISTIC FEATURES OF THE CONCEPT "CREATIVITY" IN A SELF-HELP BOOK BY E. GILBERT "BIG MAGIC" 39
- E.I. Krivosheeva, M.S. Sekerina, V.A. Kondratyeva* EXTRA-LINGUISTIC DOMINANTS ROLE IN THE TRANSLATION OF JAPANESE PUBLICATIONS ON THE THEME OF MILITARY-POLITICAL COOPERATION OF RUSSIA WITH FOREIGN COUNTRIES 42

5.9.8. – THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS (PHILOLOGICAL)

- N.V. Zenenko, L.P. Son* A PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF POETIC DISCOURSE: THE PHENOMENON OF BIPOLARITY (BASED ON THE WORKS OF KUBAN POETS) 45
- E.I. Kotelevskaya* THE PICTURE OF THE WORLD AND THE SPECIFICS OF ITS INTERPRETATION 50
- L.V. Khatukhova* CONCEPTUAL EXTENSION OF POSTURE VERBS IN THE MEANING OF 'SIT' (IN KABARDIAN, RUSSIAN AND ENGLISH) 53

5.9.9. – MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM (PHILOLOGICAL)

- V.I. Antonova, D.A. Bakeeva, N.M. Frolova* PRIORITY GUIDELINES OF GENRE-FORMING PROCESSES IN THE REGIONAL PRESS 56

5.9.2. – ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)

5.9.2.

¹М.В. Аксёнова, ²Е.И. Никанорова, ³Т.Н. Плесканюк

ФГБОУ ВО Нижегородский Государственный Педагогический Университет им. К. Минина,

¹кафедра иноязычной профессиональной коммуникации,²кафедра европейских языков и методики преподавания,³Нижегородский Государственный Лингвистический Университет им. Н.А. Добролюбова,

кафедра иностранных языков,

Нижний Новгород, marina.v.aksenova@gmail.com,

ek.nickanorova2018@yandex.ru, pleskanyuk@mail.ru

**ОБРАЗ РОССИИ В РЕЦЕПЦИИ У.С. МОЭМА
НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛЛЫ «БЕЛЬЁ МИСТЕРА ХАРРИНГТОНА» (1928)**

Статья посвящена анализу восприятия России в начале XX века известным английским писателем и публицистом У.С. Моэмом, отразившим свои впечатления в сборнике художественных новелл «Эшенден, или Британский агент» (1928). Рассказы основаны на личном опыте автора, находившегося в России в качестве сотрудника британской разведки. Показано отношение писателя к сложившемуся режиму в стране через призму познания и оценку событий художественным героем. Доказывается важность данного произведения для понимания особенностей восприятия России в иностранной литературе и культуре.

Ключевые слова: образ России, У.С. Моэм, путешествие, кросс-культурная коммуникация.

В области изучения кросс-культурной коммуникации, а именно взаимоотношений России и Англии, Уильям Сомерсет Моэм (1874 – 1965) сыграл важную роль. В течение всего жизненного пути Моэм был серьезно увлечен изучением русской культуры. Тема России присутствует во многих его произведениях: как в записках и эссе, так и в романах и новеллах. Большую роль в его творческой деятельности оказала работа на военную разведку Великобритании [3, с. 122]. В 1917 году, накануне Октябрьской революции, У.С. Моэм прибыл в Россию в качестве разведчика на тайные переговоры. Писатель становится свидетелем переломного момента в жизни страны, что оказало серьезное влияние на изменения в личности самого автора [1, с. 55]. Характерным примером является сборник рассказов «Эшенден, или Британский агент» (“Ashenden, or the British Agent”), который был опубликован в Англии в 1928 году. Новеллы представляют собой цепь эпизодов из жизни героя — агента Эшендена, изложенных в хронологической последовательности. Известно, что по замыслу писателя книга содержала около тридцати глав, однако Уинстон Черчилль настоял на том, чтобы автор уничтожил половину написанных новелл [5, с. 234]. В своем сборнике рассказов Сомерсет Моэм рассказывает о времени, которое он провел в России, от лица тайного агента Эшендена. Особое значение имеет новелла «Бельё Мистера Харрингтона» (“Mr. Harrington’s Washing”). Это произведение является наиболее показательным и раскрывает темы: любви, патриотизма, одиночества, жизни и смерти, поиска смысла жизни.

Первый город России, с которым познакомился Моэм, был Владивосток. Путь писателя был нелёгким. Дорога была длинной и многие с трудом осилили этот путь: «When Ashenden went on deck and saw before him a low-lying coast and a white town he felt a pleasant flutter of excitement. It was early and the sun had not long risen, but the sea was glassy and the sky was blue; it was warm already and one knew that the day would be sweltering. Vladivostok» [4, с. 500].

Автор описывает дорогу, повествуя о тех событиях, которые он пережил сам. Моэм использует эпитеты «палящий зной», «зеркальное море», чтобы усилить представления читателя о первой встрече героя с Россией. Тем самым, он дает положительную характеристику о своем первом впечатлении.

На первый взгляд кажется, что нарратор воодушевлен мыслью о России, но далее становится ясно, что его восторг заменяется грустью. Россия описывается как страна, в которой правит беспорядок, грязь и неразбериха: «Ashenden dined with Benedict at the station restaurant, which was, it appeared, the only place in that slatternly town where you could get a decent meal» [4, с.501].

Моэм подробно описывает пеппон: «Whole families, sitting on piles of luggage, seemed to be camped there. People rushed to and fro, or stood in little groups violently arguing. It was a scene of indescribable confusion» [4, с.501]. Автор использует олицетворение «царил хаос», наделяя неживое признаками и качествами живого, что делает речь образной и интересной. Моэм пытается донести до читателя как неразбериха властвует над людьми в тяжелое для страны время. Также, автор относится к людям скептически. Он использует сравнение, сопоставляя их с «мертвецами», ждущих приговора в Судный день: «The light in the station was wan and cold and the white faces of all those people were like the white faces of the dead waiting, patient or anxious, distraught or penitent, for the judgement of the last day» [4, с.501].

Пережив ряд неприятных событий, герой начинает сомневаться в успехе навалившейся на его плечи задачи. Россия смущает его своими безграничными просторами. Его не покидает чувство потерянности в необъятной России, и он тяжело переживает одиночество. Эшенден упорно стремится довести дело до конца и выполнить возложенную на него миссию. Герой налаживает контакты и знакомится с русской активисткой Анастасией Александровной Леонидовой. Разведчик восхищается ей: она отображает в себе весь образ России: «It was astonishing how much he saw in her eyes. They talked together of Alyosha in the Brothers Karamazov, of Natasha in War and Peace, of Anna Karenina, and of Fathers and Sons» [4, с. 511]. Моэм использует метонимию «они разговаривали об «Отцах и детях»», имеется виду, что они разговаривали о произведении И.С. Тургенева «Отцы и дети». Данный троп используется для усиления выразительности и богатства языка. Автор описывает Анастасию Александровну как очень ранимую, капризную натуру: она предпочитает ездить в вагоне первого класса, так как в поезде ей может стать плохо и ей будет необходимо чье-нибудь плечо. Когда Эшенден читает книгу, она просит его: «Do you mind not reading? I have to be held and when you turn the pages it makes me feel all funny» [4, с.513].

В свою очередь, Мистер Харрингтон, считает, что Россия — страна варваров. Ему тяжело привыкнуть к страшной ситуации, царившей в ней. Он с трудом верит в то, что в магазинах отсутствует выпечка, масло, сахар, а есть только рыба и зелень. «But this is war!» — восклицает американец [4, с.515]. Моэм использует риторическое восклицание для того, чтобы повысить эмоциональный уровень речи.

Мистер Харрингтон мечтает поскорее выполнить свою миссию и уехать из России. «What you want in this country is a little less art and a little more civilization» [4, с. 517]. Он считает, что революция его никак не касается, так как он находится вне её событий и то, что он, американец, неприкасаемый.

Попытки Эшендена доказывать что-либо и вести переговоры с русскими людьми оказываются бесполезными. Он тратит на это тщетное количество сил, стараясь выполнить свое предназначение: «He had to overcome the vacillation... He had to curb his impatience...; he had to be good-tempered with people...» [4, с. 519]. Все его иллюзии о скором успехе обращаются в пепел. Проблема непонимания в межкультурной коммуникации приводит Эшендена к недовольству, на что нам «указывает» метафора «проглатывать раздражение», чтобы донести неприязнь героя к русскому народу, его нежелание общаться с русскими. Мистер Харрингтон не заинтересован в том, чтобы понять чужую культуру, ему важнее разобраться в своем внутреннем мире.

Случается революция. Мистер Харрингтон, оставаясь верным своим привычкам и будучи мелочным, спешит в прачечную забрать белье. «His insistence had given it the value of a symbol» [4, с. 522]. Американец трагично умирает: «He lay on his face, in a pool of blood, his bald head, with its prominent bones, very white; his neat black coat smeared and muddy. But his hand was clenched tight on the parcel that contained four shirts, two union suits, a pair of pyjamas, and four collars. Mr Harrington had not let his washing go» [4, с. 524]. Данный эпизод показывает хладнокровное отношение героя к событиям, происходящим в чужой стране. Мистер Харрингтон, уверенный в своей неприкосновенности, и считающий, что начавшаяся революция его никак не коснется, бежит в прачечную забрать бельё и трагично погибает. Белье мистера Харрингтона становится олицетворением малости и уязвимости человеческих проблем перед колесом Великой Истории, что говорит о тщетной привязанности к материальным ценностям перед лицом неумолимой силы.

На следующий же день после окончания Октябрьской революции Эшенден отправляет шифрованную записку и покидает Россию. Таким путем, Эшенден испытывает горечь утраты веры в себя и своего успеха. Его вера себя разрушается, он заявляет: «I'm fed up with Tolstoy, I'm fed up with Turgenev and Dostoyevsky, I'm fed up with Chekhov. I'm fed up with the Intelligentsia. I'm sick of fine phrases, and oratory and attitudinizing» [4, с. 522]. Автор использует синтаксический параллелизм, чтобы предать речи образности и выразительности.

Таким образом, Сомерсет Моэм на примере тайного агента Эшендена указывает на прохождение личностного пути от уверенности и значимости в себе и своей миссии, до осознания бессмысленности своего дела. «Моэм был первым человеком, который писал о работе разведчика без вдохновения, руководствуясь исключительно прозой жизни и не скрывая при этом своего разочарования» [2, с. 283]. Тема России широко освещена в рассказе «Белье мистера Харрингтона». Автор четко описывает восприятие событий начала XX века в России, которые он пережил, а в дальнейшем рисует их глазами главного героя — Эшендена.

Список литературы

1. Емельянов Ю.В. Отечественные записки «Русский след Моэма. Писатель, которому было приказано сорвать Октябрьскую революцию». / Емельянов. Ю. — М.: Советская Россия, 2007. — С. 7 – 61.
2. Ливергант А.Я. Сомерсет Моэм [Текст] / А.Я. Ливергант // Жизнь замечательных людей. — М.: Молодая гвардия, 2012 — 368 с.
3. Hastings S., The Secret Lives Of Somerset Maugham/ Selina Hastings- England: Little, Brown, 2010. — 624 p.
4. Maugham W.S., “Mr. Harrington’s Washing”, in: Sixty-five short stories [Text], Heinemann/Octopus, — Great Britain, 1998. — 937 p.
5. Poppewell Richard J., Intelligence and Imperial Defence: British Intelligence and the Defence of the Indian Empire 1904–1924 [Text] / Richard J. Poppewell. — U.K., 1998. — 257 p.

5.9.5. – РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)

5.9.5.

О.О. Есафьева, И.В. Зосимова, Н.А. Просина

Пензенский государственный университет,
институт международного сотрудничества,
кафедра русского языка как иностранного,
Пенза, penza.rki@rambler.ru

**СТИХОТВОРНЫЙ ТЕКСТ
И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ**

В статье предпринята попытка лингвостилистического анализа стихотворных текстов Н.К. Рериха. Анализ производится на синтаксическом уровне. На материале поэтических текстов показаны особенности использования синтаксических средств выразительности.

Ключевые слова: *стихотворный текст, лингвостилистический анализ, синтаксис, Рерих.*

Отличительной чертой русского синтаксиса, по мнению известных исследователей языка, является свобода передвижения слов внутри предложения. Свободный порядок слов придаёт русскому синтаксису грамматическую гибкость, порождает огромное количество синтаксических синонимов, с помощью которых авторам удаётся передать тончайшие смысловые различия [2, с. 153]. Для усиления образно-выразительной функции речи используются особые синтаксические построения – так называемые стилистические (или риторические) фигуры. Стилистическая фигура – оборот речи, синтаксическое построение, используемое для усиления выразительности высказывания (анафора, антитеза, инверсия, эпифора, эллипсис, риторический вопрос, умолчание и др.). На материале поэтических текстов Николая Константиновича Рериха рассмотрим особенности использования синтаксических средств выразительности.

Николай Константинович Рерих – художник, педагог, ученый, путешественник, общественный деятель, мыслитель – оставил огромное наследие, в центре нашего внимания его стихи, имеющие программное значение для всего творчества, по словам самого автора [3, с.8]. Впервые сборник стихов Н.К. Рериха «Цветы Мории» был издан в 1921 году (Берлин, русское издательство «Слово»). В него вошли произведения, написанные в период с 1911 по 1921 год. К тому времени стихи Николая Рериха уже были хорошо известны и отмечены как особое явление в поэзии Серебряного века. А.М. Горький назвал их «письмена», подразумевая нечто важное, монументальное по философскому и историческому смыслу.

В основу наших суждений о материале исследования положена работа П.Ф. Беликова «Рерих. Опыт духовной биографии» [1]. Этот труд, оставшийся незавершённым, и сегодня является наиболее глубоким исследованием поэтического наследия Н.К. Рериха.

Индивидуально-авторский стиль поэта Н. Рериха, базирующийся на диалектичном мировосприятии, исключителен. Он образован при тесном взаимодействии сложного комплекса экстралингвистических и лингвистических компонентов. Смещение реального и легендарного во имя воплощения авторского замысла во многом определяет использование выразительных средств языка.

Поэзия Рериха – это философская лирика. Лирический герой в ней – личность сложная и многоплановая. Это и Учитель (в высоком понимании), и друг, и мальчик, который только входит в мир. В то же время, автор дает понять читателям, что мальчик живёт в каждом, не исключая Учителя, поэтому надо быть готовым открывать мир заново, удивляться ему, хранить его. Древняя мудрость говорит в стихах Рериха простым, ясным языком. Однако простота эта кажущаяся. За синтаксисом простого двусоставного полного предложения, часто нераспространённого, скрываются глубокие смыслы.

Большое значение в понимании данных поэтических текстов имеет правильное интонирование. Используя такие приёмы, как синтаксический параллелизм и парцелляцию, поэт добивается того, что тексты обретают характер мантр. Возникает ощущение ирреальности голоса лирического героя. Это уже не выражение внутреннего «я» поэта, а фиксация истин высшего порядка, открывшихся ему. Открываясь миру, лирический герой хочет быть услышанным и понятым, поэтому в текстах часты обращения и риторические вопросы, иногда текст организован как диалог, в ходе которого не только передаются знания о человеке, обществе и мире, но и ставятся важные философские вопросы, ответ на который читатель должен найти наедине с собой.

При рассмотрении поэтических текстов Рериха на синтаксическом уровне прослеживается постепенный переход от прямого порядка слов к инверсии, от полных предложений к неполным, от бессоюзных сложных предложений к союзным, к многосоюзию при однородных членах предложения. Чтобы доказать это, обратимся к текстам двух стихотворений. Первое стихотворение называется «Священные знаки» (1915 год). Второе стихотворение называется «Улыбка твоя» (1918 год). Тексты написаны с разницей в три года, и вполне могут, на наш взгляд, использоваться в качестве примеров.

Первый стихотворный текст не разделен на строфы. Белый стих имеет плавное течение, ритм размерен. Монолог лирического героя лишен эмоциональных всплесков. Нельзя назвать его философским размышлением в полном смысле. Перед нами повествование, соединенное с рассуждением. Ткань повествования создается глаголами несовершенного вида в форме прошедшего времени. Субъективность авторского «я» усиливается употреблением местоимения первого лица в форме множественного числа («Мы не знаем», «...мы опять живём», «...неведомые нам слова»). В тексте имеет место противопоставление «мы» – «они». Словом «они» автор объединяет целый мир, который для него един и многообразен, который существует и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Это камни, деревья, слова, герои прошлого. Вместе с читателями лирический герой признается в незнании мира. По его убеждению, «они» знают о мире всё. Противопоставление реализуется использованием сочинительного противительного союза «но». Интересно, что, используя союз в тексте три раза, Рерих три раза сопровождает это парцелляцией (например, «Мы не знаем. Но они знают»). Парцелляция иногда сопровождает в данном тексте однородные сказуемые, соединённые сочинительным соединительным союзом «и» (например, «Даже знают деревья. И помнят.»).

В тексте на 34 строки – 36 предложений. Это много для лирического текста, лишённого эмоционального напряжения. Большинство предложений представляют собой двусоставные полные предложения. Употребляя их, автор использует синтаксический параллелизм («Мы не знаем. Но они знают.// Камни знают». «Летали воздушные корабли.// Лился жидкий огонь.»). Синтаксический параллелизм сопровождает и употребление односоставных предложений: «Знать и// помнить. Помнить и знать». В последнем случае подчёркивается, на наш взгляд, равноценная важность этих двух действий для правильного понимания смысла стихотворения в целом.

Возвышенность слога на синтаксическом уровне достигается инверсией (сказуемое подлежащее). 11 предложений из 36 (30,5%), а также использованием в именной части составных именных сказуемых кратких прилагательных: «Все они полны смысла», «...и вновь явно всё. Все ново».

Второй стихотворный текст тоже не разделен на строфы, однако это отражает иное состояние лирического героя. Его монолог эмоционален, даже горяч. И опять это не философское размышление в полном смысле. Перед нами обращение к братьям, призыв к действию. Глаголы теперь в подавляющем большинстве совершенного вида в форме будущего времени или повелительного наклонения. Авторского «я» снова передается местоимения первого лица в форме множественного числа («На острове – мы», «Наш – старый дом» и т.д.). В тексте имеет место противопоставление «наш», «братья» – «их», «люди». Слово «люди» употреблено в отношении тех, кто живёт каждодневными заботами,

не стремясь к большему, тех, кто не стремится заглянуть за черту. Такой образ жизни чужд лирическому герою и его братьям по духу, поэтому для автора важно в текст внести уточнение «Будем// точно не люди».

В тексте на 22 строки – 19 предложений. Синтаксис предложений усложняется: два сложноподчиненных предложения с однородным соподчинением придаточных. Интересно, что парцелляция сопровождает теперь именно сложноподчиненные предложения и второстепенные члены предложения («К черте подойдем// и заглянем. В тишине и молчанье».) Можно предположить, что парцелляцию в простых предложениях теперь заменяют конструкции неполных предложений с тире («Ключ от храма – у нас», «Наши – мхи», «Наши звёзды – над нами» и т.д.).

Синтаксический параллелизм отсутствует. Инверсия встречается часто. Изменились её модели. Теперь это и «сказуемое подлежащее», «определяемое слово определение», «обстоятельство места сказуемое». 11 предложений из 19 (57,8%), и выразительность стиха возрастает.

Тексты Н. Рериха очень интересны на синтаксическом уровне. Прослеживая закономерности, связанные с использованием различных индивидуально-авторских синтаксических средств, можно понять, как усложняется рисунок стиха, совершенствуется мастерство воплощения замысла, повышается языковая экспрессивность поэтического текста. Понимание синтаксиса у Н. Рериха удивительно и уникально. Синтаксис в его текстах ощущается как живое полотно, ткань, на которой «рождаются» смыслы.

Выразительные средства русского языка очень разнообразны, если не сказать, что бесконечно разнообразны, поэтому исследование выразительности текста на разных уровнях языка по-прежнему остается привлекательным для учёных. Изложенный опыт лингвостилистического анализа стихотворных текстов Н.К. Рериха, выполненного на уровне синтаксиса, показывает, как с течением времени может трансформироваться система синтаксических структур в контурах определённого индивидуально-авторского стиля.

Список литературы

1. *Беликов П.Ф.* Рерих: опыт духовной биографии. – М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2011. – 432 с., ил.
2. *Голуб И.Б.* Грамматическая стилистика современного русского языка: Учеб. пособ. – М.: Высш. шк., 1989. – 208 с.
3. *Рерих Н.К.* Цветы Мории: Стихотворения/ Сост. и предисл. В.М. Сидорова. – М.: Современник, 1988. – 159 с., ил.

5.9.5.

Ц.Ц. Огдонова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, irk-tsyrena@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОДЕЖДА» В ДИАЛЕКТНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье определяются особенности репрезентации тематической группы «Одежда» в диалектной культуре Байкальской Сибири. Среди них выделяются основные особенности: тематическая гетерогенность, культурный полиморфизм, социокультурная дифференцированность и вариативность (формальная и лексико-семантическая).

Ключевые слова: *диалектная лингвокультура, говоры русских старожилов, номинации одежды, особенности репрезентации.*

Одной из приоритетных задач современной региональной лингвистики является изучение диалектной лингвокультуры, определяемой как «культура носителей диалекта» [3]. В сложной системе компонентов данной лингвокультуры особую роль играет тематическая группа «Одежда», объединяющая в своем составе комплекс собственно наименований одежды, обуви, головных уборов, украшений и т.п. В целом номинативное пространство одежды репрезентирует «вещный», внеязыковой мир человека, т. к. непосредственно связано с его жизнедеятельностью в определенных природно-климатических условиях на той или иной территории.

Поскольку диалектная лингвокультура находит отражение в диалектных словарях как «гипертекстах традиционной культуры» [4], материал настоящего исследования был извлечен из «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой (представлен в 25 томах) [1]. Основной особенностью данного словаря являются связные тексты-нарративы, зафиксированные в естественных условиях и воплощающие диалектный дискурс. Последний понимается нами как совокупность коммуникативных практик, зафиксированных в текстах-нарративах в рамках общего гипертекста определенной локально-традиционной (диалектной) лингвокультуры. Общий объем выборки составил 280 единиц и свыше 300 текстов их дискурсивной реализации.

Актуальность темы исследования обусловливается необходимостью всестороннего изучения единиц данной тематической группы (ТГ) как феномена традиционной лингвокультуры. Прежде всего, ученые решают задачу системно-структурной организации данного разряда лексики и составления тематического словаря (Чернышева 2011; Зверева 2014; Холопова, Добрычева 2016; Баженова 2018 и др.). Номинации одежды рассматриваются в ономаσιологическом аспекте с применением прагматического подхода (Ростов 2006, Левкиевская 2011 и др.), этимологического подхода (Мызников 2005; Полякова 2010; Бакланова 2014; Габидуллина, Абдуллина 2016 и др.), лингвокультурного подхода (Тихомирова 2013, Готовцева 2017, Ковшова 2017 и др.). «Язык одежды» также рассматривается в семиотическом аспекте (Боева 2011; Рябова 2016; Халеева 2016; Абдина, Тугужекова 2017; Баязитова 2018 и др.). Традиционный костюм интерпретируется как костюмный или вестиментарный лингвокультурный код (Семенова 2011; Шипилова 2015; Терехова 2016; Банкова, Васильковская 2019 и др.).

Как правило, подобные исследования проводятся на региональном материале, что позволяет установить закономерности территориального распространения лексико-семантических диалектных явлений [2]. На материале говоров Байкальской Сибири данная тематическая группа еще не рассматривалась.

Цель настоящей статьи – определение особенностей репрезентации тематической группы «Одежда» на основе анализа диалектных текстов.

В результате проведенного анализа мы выявили следующие особенности репрезентации рассматриваемой группы номинаций:

1. Тематическая гетерогенность, заключающаяся в объективной неоднородности наименований одежды: обувь (23,6 %), предметы одежды (18 %), верхняя одежда (13,8 %), детали одежды и аксессуары (12 %), одежда для рук и ног (11,4 %), наименования материалов для изготовления одежды (8,6 %), обобщенные наименования (7 %), головные уборы (4,8 %).

Наиболее репрезентативной является подгруппа «обувь», среди наименований которой доминируют номинации теплой обуви: унтов (*анчұры, гамұры, сохаччі, полуунты, камасá, тарбасá, чуқұльмы, гурумы* и др.), валенок (*чёсанки, катанки, валены* и др.), меховой и войлочной/кожаной обуви (*дуктуи, óлочи, ичиги, ворситовы сапоги, лабұты, кулемішки* и др.). Это обусловлено, с одной стороны, суровыми климатическими условиями жизни диалектоносителей-сибиряков; с другой стороны – активным контактированием с коренными народами Восточной Сибири (бурятами и эвенками).

2. Культурный полиморфизм, определяемый взаимодействием русских старожилов с коренным населением, что проявилось в заимствовании некоторых материалов и разновидностей одежды, главным образом, верхней одежды и обуви: *пáрка, кухлянка, унты, олочи, гурумы, анчұры, кулемішки, сáры, камасá, тарбасá, гамұры, чуқұльмы, арамұзы, бақари* (эвенк.); *малгэ, дыгыл, духтуи* (бур.); *ичиги, чирки, чарки* (тюрк.). Доминируют заимствования из эвенкийского языка, преимущественно наименования обуви из шкуры оленя, лося.

Основным способом заимствования одежды был обмен. Так, в текстах приводятся примеры того, как одежду получали в обмен на другие материальные блага у эвенков и бурят: <...> *на ноги унты надо было тёплые, вот, такие с кáмаса. На тушу, на тушу пáрки олени были. Рукавицы тёплые, тоже олени. Вот это вот меняла* <...>.

3. Относительная традиционность корпуса наименований одежды русских старожилов-сибиряков, обусловленная сохранностью русского национального костюма примерно до 50-х гг. прошлого столетия. В нашем материале встретились следующие традиционные (устаревшие) наименования: *шабұра, однорядка, íспод, íсподка, испóдное, размахай, сарахан, поддевишницы, зипұн, кокетка, кичка, кокошник, бáрсовый платок, камзол, хромовые сапоги, баретки, вачеги/вареги, лапти, кушак, опояска, ноговицы* и др. Ср.: *Дед Михайло ехал вот так. А он старинный был, обрядно ходил, азя́м всё носил, до последнего носил. Раньше пóльтов не было. Азя́мы своедёльски шили* <...>.

4. Социокультурная дифференцированность наименований одежды, отражающая различные признаки диалектоносителей: место жительства, род деятельности, пол, возраст и др. В этом отношении особо следует выделить наименования по роду деятельности, в частности промысловую одежду (*промышлénку*). Русские старожилы проживали в зоне таежных лесов, и, естественно, их неземледельческая деятельность была связана с лесными промыслами, прежде всего с охотой и рыбной ловлей. Именно по этой причине в различных рукописях одежда населения Приангарья описывалась как «одежда промышленников и землепашцев» [5]. Примеры: *арамұзы, бурки, гóрки, белковязка, треұх, кухлянка, брóдни, óлочи, водянки, суконки* и др. Ср.: <...> *Оне ходили в кожаных. В броднях. Бродни или вот такие кожаны голяшечки, а тут все с кожи сделаны, да. А потом наверх аряму́жи, брюки суконные, тут они подвязывались, из сукна... И сделаешь на шапку, вот сюда, нашиваешь вот такую тряпку, чтоб снег не попадал за шею. Ну, как он называл? Кулик! Така тряпка, чтобы снег за шею не закатывался* <...>.

5. Вариативность наименований одежды, проявляющая в отношениях вариантности (формальная вариативность): (куфайка/фуфайка/фуфайчонка/кухайчонка/куфайчишка/куфайчоночка, коколды/кокольды, ватник/ватничек/ватница, кокетка/котетка, валенки/валенцы/валены, ачуры/омчуры/хамчуры и др.); в парадигматических отношениях (лексико-семантическая вариативность): *рукавицы, в́ареги, шкулянки, верхонки, мохнатки, х́аренки, коколды, сыромятки, в́ачеги, водянки, їсподки* и др.

Для анализируемой группы номинаций характерна диминутивность в функции уничижения, которая выражается в частотности уменьшительных суффиксов со значением немаловажности и ничтожности предмета одежды: -к-, -онк-, -инк-, -ишк-, -ушк-, -шк-. Например: *одежонка, перемывашка, лопотинка, катанчонки, амчуришки, кулемишки, юбчонка, трусишки* и др. Ср.: <...> *А что я надену? Платы́шко, да чирки, да на одной ноге такой чирки́шко, на другой – такой чирки́шко* <...>.

В нашем материале исследования также наблюдается тенденция к генерализации наименований: *альлянина* (одежда из льна), *в́ерхник* (верхняя одежда, надеваемая поверх платья, костюма), *исподнее* (нижнее белье), *ветошонка* (ветхое, изношенное платье; тряпье), *промышлѐнка* (охотничья одежда), *самоделка* (сделанная своими руками одежда), *холишевятина* (одежда из холста), *снаряжѐнки* (обряд. костюмы на колядки) и др.

Таким образом, ТГ «Одежда» в говорах русских старожилов Байкальской Сибири представляет собой тематически неоднородное, дифференцированное лексико-семантическое объединение слов, характеризующееся тематической гетерогенностью, культурным полиморфизмом, относительной традиционностью, вариативностью и социокультурной дифференцированностью. Для данной ТГ также характерны диминутивность в функции уничижения и тенденция к генерализации наименований одежды.

Список литературы

1. *Афанасьева-Медведева Г.В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 25-х т. – Иркутск, 2007-2021. – Т. 1-25.
2. *Баженова Т.Е.* Наименования одежды и обуви в самарских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10. – вып. 1. – С. 6.
3. *Демешкина Т.А., Тубалова И.В.* Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 50. – С. 40.
4. *Калиткина Г.В.* Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (Статья 2) // Вестник Томского университета. – 2006. – № 291. – С. 17.
5. *Фурсова Е.Ф.* Этнографические и археологические источники о сохранении и развитии традиций (по материалам русской обуви XVII – первой четверти XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 56. – С. 169.

5.9.5.

А.С. Онегина канд. филол. наук, Е.Н. Коростенко

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
кафедра русского языка и речевой культуры,
Архангельск, a.utkina@narfu.ru, e.korostenko@narfu.ru

**ДИАЛЕКТНАЯ ПРОМЫСЛОВАЯ ЛЕКСИКА
В СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРНОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ
Е.Ш. ГАЛИМОВОЙ «СЕРЕБРЯНАЯ РЫБИНА»)**

В данной статье произведён анализ диалектного материала текстов сборника рассказов Е.Ш. Галимовой «Серебряная рыбина», выявлены тематические группы промысловой лексики, проведено сопоставление исследуемого языкового материала с данными диалектных словарей XIX-XX веков, отмечена уникальность промысловой лексики, включённой в современный Северный текст.

Ключевые слова: *Северный текст, диалектная лексика, тематическая группа.*

Уникальность и сохранность северной речи коренных жителей России привлекают внимание многих учёных и находят отражение в современных литературных произведениях. Впервые нами был исследован сборник рассказов Е.Ш. Галимовой «Серебряная рыбина» [2], который содержит богатый диалектный материал, тематически связанный с традиционным промыслом Беломорья – рыболовством. Автор сборника описывает жизнь одного из сёл Поморского берега, относящегося к Онежскому району Архангельской области (Рис.1).

Издавна Белое море являлось для коренных жителей указанной территории источником питания и центром жизнедеятельности. В связи с этим концептуально значимой для онежан является ассоциация суши с морем, где «...дом оказался якорем, центром притяжения, влекущим к себе, не отпускающим от себя Домом. Стал центром мира, который хотелось по-настоящему, основательно, не торопясь, обжить. ...это удивительный, богатый, и не просто богатый – неисчерпаемый в своём богатстве и разнообразии мир. Он изобилует чудесами. И на каждом шагу – открытия» [2, с. 195].

На основе анализа текста рассказов Е.Ш. Галимовой было выявлено 4 тематические группы (далее – ТГ) диалектной промысловой лексики: «Наименования рыбы», «Рыболовные приспособления», «Названия ветров», «Морской (речной) ландшафт».

ТГ 1 «Наименования рыбы»

Р ы б и н а – рыба. Повсем. [3, с. 150]. Рыбина – (собирает) рыба. Олон., 1885. [4, вып. 35, с. 295]; отдельная разновидность, порода рыбы. Новг. 1968. [4, вып. 35, с. 296]. В анализируемом нами тексте диалектное слово «рыбина» используется в значении «отдельная разновидность рыбы, сёмга»:

Сёмгу у нас чаще называют **«рыбина»** или **«рыба»** [2, с.18].

С у ш ь, с у ш ь е – сушёная рыба. Помор. [3, с. 169]. Процесс морфологизации указанной диалектной лексемы со значением, зафиксированным в 1884 г., привёл к изменению её формы или появлению варианта в настоящее время: с у ш н я к:

День может выдержать помор без рыбы, два, ну три – это уже с трудом, а на третий ослабевать начнёт – рыбки подавай, хотя бы уишцу из **сушняка** [2, с. 4].

ТГ 2 «Рыболовные приспособления»

Д ó н к а – нижняя веревка сети, невода с грузилами. Онеж. Арх., 1896 [4, вып. 8, с. 125]:

Мы-то камбалу и навагу на удочки в море ловим, но, конечно, **донками** с катушкой и грузилом [2, с. 96].

М ы з ó к – узелок из засушенных червей, используемый для зимней ловли рыбы. В словарь Подвысоцкого А.И. и СРНГ данная лексема не включена.

Потом червей нанизывают на нитку (у нас говорят – «мижут»), связывают узелками (мизками или мысками, по-нынешнему – колокольчиками) и сушат [2, с. 20-21].

П о д б ó р ы – две продольные веревки (нижняя и верхняя), на которые насажено сетное полотно невода. Арх., 1950. [4, вып. 27, с. 342]; привязываемые к нижней тетиве рюжи, в виде грузил, камни. Арх., Онеж, Кем. [3, с. 125]:

*Кольца привязывают к нижней **подборе** сети – как груз* [2, с. 23].

Р ю ж а – рыболовная снасть. Обл., Беломор. [4, вып. 35, с. 325]; снаряд для ловли летом и, подледным образом, зимой наваги, сигов, камбалы и иной мелкой рыбы в устьях Северной Двины и реке юго-западного Беломорского побережья. [3, с. 151]:

*Иной раз и в **рюжу** ничего не попадает – немыслимое по прежним временам дело* [2, с. 5];

*Где-то в других местах на беломорском побережье ставят зимние **рюжи**, под лёд, а у нас в деревне – нет* [2, с. 5];

*...**рюжи** – самые простые и общеупотребительные в Белом море ловушки* [2, с. 10].

ТГ 3 «Названия ветров»

М о р я н к а – холодный северный ветер. Арх., 1910. [4, вып. 18, с. 283]; резкий северный ветер в устьях Северной Двины [3, с. 93]:

*Снежком тебя засыпает, **ветром-морянкой** с ног сдувает – красота!* [2, с. 5].

О т н ó с – действие, при котором сильный с берега ветер отрывает и относит припай. Попасть в относ. Помор. [3, с. 28]:

*Ей даже в **относе** морском довелось побывать* [2, с. 4].

О т д ó р – действие, при котором ветер относит от берега или прямого направления судно, морского зверя и рыбу. Помор. [3, с. 112].

О т д и р á т ь – относить от берега сильным ветром. Арх., Беломор. 1844. [4, вып. 24, с. 165]; отдор – ветер, относящий от берега в открытое море. Арх., Беломор. [4, вып. 24, с. 167]:

*...**Отдор** – так называют ветер с берега, который воду «отдирает»* [2, с. 102].

Т ó р о к – порыв ветра, вихрь, шквал. Арх, 1844. [4, вып. 24, с. 280]); в том же значении. Помор. [3, с. 173]

*Да и как, в самом деле, печься о завтрашнем дне, если все твои планы в любую минуту может **торок** – порыв ветра – разметать »* [2, с. 133].

ТГ 4 «Морской (речной) ландшафт»

Г у б á – образуемый устьем реки залив. Помор. [3, с. 35]:

*...на берегу **губы** – морского залива – пожни были* [2, с. 13];

*Чуть только прибрежный лёд в **губе** образуется, сразу вся деревня устремляется на подлёдный лов – на наважник* [2, с.137].

К ó р г а – гряда камней в море, иногда выходящих наружу, но в приливе покрываемых водою. Арх., Онеж. [3, с. 70]:

*Рюжа стояла у этого рыбака довольно далеко от берега, в **корге** – каменной отмели* [2, с. 39].

К ó ш к а – песчаная или из мелкого камня мель на взморье, обнажающая при отливе. Арх. [3, с. 78]:

*...у берега мелко, много песчаных **кошек** и **корг** – отмелей, думали – посадит льдину, остановится* [2, с. 6];

*...и видит: бегают **по кошке** Михаил по щиколотку в воде* [2, с. 24];

*Вода была самая малая, далеко отошла, обнажила все рюжи и сети, песчаные **кошки** и камни...* [2, с. 127].

К у й в á т а – обсохший после отлива берег. Онеж. [3, с. 77]:

*...глянешь на море с угора, с высокого берега, с самого его краешка, который зовётся шмычком, глянешь со шмычка, а там, на **куйво́те**, - сплошь рюжи (**Куйво́та** – это та прибрежная часть дна, которая обнажается при отливе и уходит под воду во время прилива)* [2, с. 9].

Ля́га – наполненное водою углубление в земле. Арх., Онеж. [3, с. 86]:

*Да ещё маленькие озера или пруды, называемые **лягами**, на каждом шагу* [2, с. 45];

*Поднялись в угор, прошли лесочком мимо озера (**ляги**, точнее)* [2, с. 34].

Нава́жн и к – место в море, где ловится навага. Кем., Мез. [3, с. 96]:

*... отправляться с удочкой с удочкой на подлёдный лов, на **наважник*** [2, с. 5];

Пе́шн я – употребляемое ледоколами орудие для пробития прорубей: долотообразный, в аршин длиною, железный наконечник, насаживаемый на деревянную, аршина в полтора, рукоять. Повсем. [3, с. 121]:

*Рыбаков на льду много собралось. **Пропёшились** – лунок надолбили **пешнёй** (ледорубы здесь не в чести)* [2, с. 5];

Припа́й – примерзший плотно к берегу моря, озера или реки лед. Повсем. [3, с. 139]:

*Когда спохватились, уже не перепрыгнуть было на **припай**, слишком широкие разводья* [2, с. 5].

Разво́дь е – свободное между льдами в море место для прохода судна. Помор. [3, с. 145]:

*Когда спохватились, уже не перепрыгнуть было на припай, слишком широкие **разводья*** [2, с. 5].

Пере́мёт – невод, небольшой ярус для ловли мелкой рыбы. Онеж., Холм. [3, с. 119]:

*А потом уже Лина Григорьевна рассказала в своём стихотворении, как её, возвращающуюся со своего **перемёта** домой, догнал на берегу человек...* [2, с. 39-40].

Ру́ч е й – ручей. Повсем. [3, с. 150]. Ручей – [Удар.?] небольшая ложбинка на склоне горы. Олон., Арх. 1823 [4, вып. 35, с. 278]:

*Ру́чей – это не ручей. Это распадок между угорами – высокими берегами. Хотя весной по некоторым **ручьям** и ручьи могут течь* [2, с. 47].

То́н я – место на море, где размещают рыболовные снасти для ловли рыбы [4, вып. 44, с. 237]:

*Пошёл раз Владимир Константинович на свою **тоню** – участок на море, где он традиционно рыбачит* [2, с. 16];

*...ходит она (Нина Алексеевна) на свою **тоню** проверять рюжу, а часто – и сети* [2, с. 3].

Уго́р – крутой высокий берег реки. Повсем. [3, с. 177]:

*... в непроглядные осенние ночи приходится спускаться к морю с высокого **угора**, а потом налегке ли, с полным ли туесом рыбы возвращаться в деревню* [2, с. 3];

*А сетка и рюжа у Нины Алексеевны **под угором** (под высоким берегом) возле самой деревни стоят* [2, с. 17].

На основе лингвистического анализа сборника рассказов Е.Ш. Галимовой нами было выявлено 23 диалектных лексемы, отражающих традиционный промысел жителей Онежского берега Белого моря – рыболовство. Указанные лексемы входят в четыре тематические группы (Рис.2). Большее количество диалектных слов относится к ТГ «Ландшафт». Важно отметить, что выявленные в тексте рассказов наименования этой ТГ напрямую связаны с промысловой деятельностью.

Результаты исследования современного Северного текста демонстрируют региональные особенности его языкового материала и могут быть использованы в школьной и вузовской практике преподавания русского языка.

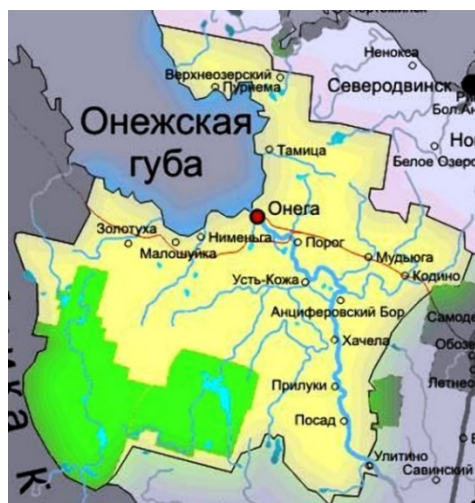

Рис. 1 – Административная карта Онежского района Архангельской области РФ [1]

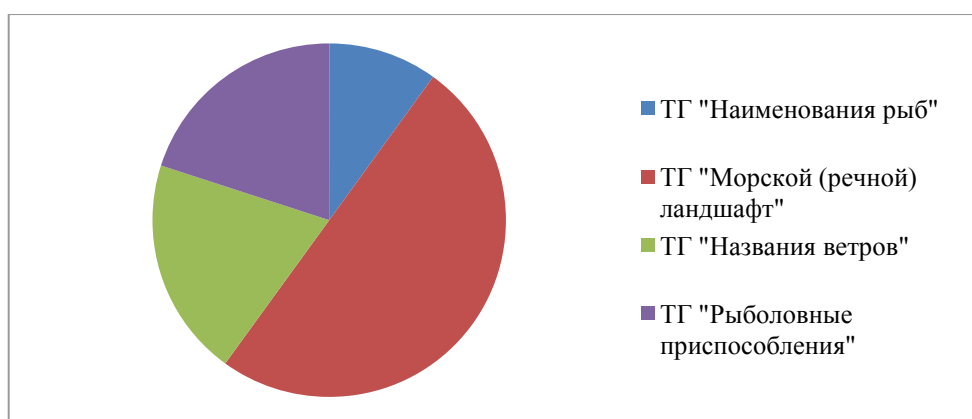

Рис. 2 – Промысловая диалектная лексика Онежского района Архангельской области

Список литературы

1. Административная карта Онежского района Архангельской области РФ // Онежский район; URL: <http://onegaonline.ru/see.php?kod=%D0%9E%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD&id=461> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Галимова Е.Ш. Серебряная рыбина. Рассказы [12+] . – Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. – 152 с.
3. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – С.-Пб., 1885. – 198 с.
4. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. – С.-Пб., 1965-2016.

5.9.5.

И.В. Родионова канд. педагог. наук

Военно-космическая академия имени А.Ф.Можайского,
кафедра русского языка,
Санкт-Петербург, irinrodionova0911@yandex.ru

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К НАПИСАНИЮ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В настоящей статье рассматриваются вопросы, возникающие в ходе подготовки иностранных военнослужащих к написанию выпускной квалификационной работы в процессе обучения русскому языку. Данная проблематика находит отражение в практике преподавания русского языка как иностранного. Исследуются составляющие введенного в программу обучения русскому языку модуля для оказания обучающимся написании выпускной квалификационной работы. В статье содержится ряд помощи при выводов, представляющих практический интерес для преподавателей русского языка как иностранного в плане формирования у иностранных военнослужащих необходимых компетенций на основе приобретенных знаний, навыков и умений.

Ключевые слова: *выпускная квалификационная работа, русский язык как иностранный, обучение, иностранные военнослужащие.*

Формирование коммуникативной компетенции иностранных военнослужащих как комплекса знаний, умений и навыков, которые определяют способность осуществлять речевую деятельность, речевое общение на русском языке в пределах освоенной ими программы по русскому языку, а также «формирование вторичной культурно-языковой личности обучаемых» [7] является главной целью применительно к основному курсу обучения в высшем учебном заведении. Стратегия процесса преподавания русского языка как иностранного в Военно-космической академии имени

А.Ф. Можайского, политехническом вузе Министерства обороны Российской Федерации, направлена на то, чтобы иностранные военнослужащие смогли достичь такого уровня владения языком, который позволил бы, прежде всего, освоить избранную военную специальность, осуществлять учебное, профессиональное, повседневно-бытовое, культурное общение в условиях русской языковой среды. Более того, иностранные военнослужащие могли бы использовать знания по русскому языку для дальнейшего обучения в адъюнктуре, получая какое-либо дополнительное образование, занимаясь самосовершенствованием по возвращении на родину с применением средств дистанционного обучения и ресурсов глобальной компьютерной сети «Интернет».

Необходимость повышения качества изучения русского языка иностранными военнослужащими в вузах Министерства обороны Российской Федерации на интересующем нас основном курсе обучения потребовало «в 9 семестре предусмотреть введение в программу обучения русскому языку модуля для оказания обучаемым помощи при написании выпускной квалификационной работы» [8].

Выпускная квалификационная работа (далее – ВКР) имеет целью систематизировать и расширить знания, умения и практические навыки обучающихся (в нашем случае – иностранных военнослужащих) в решении сложных комплексных задач с элементами исследований, а также определить уровень их подготовленности к выполнению обязанностей по предназначению в соответствии с полученной специальностью. Защита ВКР является одним из видов аттестационных испытаний, предусмотренных Порядком проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры, утвержденным приказом Министерства образования и науки Российской

Федерации 2015 г. № 636 [11], Порядком организации и осуществления образовательной деятельности по основным профессиональным образовательным программам, реализуемым в интересах обороны государства в федеральных государственных военных профессиональных организациях и военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны Российской Федерации, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации 2014 г. № 670.

В настоящее время среди исследований, в которых рассматриваются проблемы подготовки обучающихся к написанию ВКР в процессе обучения русскому языку, можно выделить те, в которых указаны жанры научного стиля речи, к которым имеет отношение ВКР [9, 13, 14]. В других работах обращается внимание на композиционно-смысловую структуру научного текста, соотносимую с ВКР [4, 12], и понятийный аппарат [3]. Авторы научных работ подчеркивают языковые трудности научного стиля речи, преодолеваемые иностранными обучающимися при написании ВКР [6]. В поле зрения исследователей – составление аннотации [2, 5], библиографии [4], что также является обязательным атрибутом ВКР. Исследователи дают рекомендации по оформлению графической части ВКР [1] и оформлению цитат [4, 9].

Отмечая разнообразие подходов к изучению проблем, связанных с подготовкой и написанием ВКР, необходимо подчеркнуть, что проведенные исследования не затрагивали сферу военного образования, в частности, процесс обучения русскому языку иностранных военнослужащих. Задача реализации данным контингентом приобретенных речевых умений в процессе выполнения ВКР на русском языке представляется важной и заслуживающей особого внимания со стороны преподавателя русского языка как иностранного при завершении основного курса.

Целью настоящей статьи являются вопросы подготовки иностранных военнослужащих к написанию ВКР в процессе обучения русскому языку, которые включают в себя изучение основных составляющих соответствующего модуля, а именно: особенности ВКР, структура ВКР, составление аннотации, оформление ВКР, библиография, рубрикация текста, цитирование. Интерес к данному модулю, по нашему мнению, оправдан, так как мотивирован практическими потребностями обучающихся, и приобретает особую актуальность для формирования базы профессиональной подготовки иностранных военных специалистов.

ВКР должна иметь внутреннее единство и содержать описание актуальности темы, содержательных аспектов по решаемой задаче с соответствующими обоснованиями с использованием научных методов, изложение вытекающих из представленного материала выводов и рекомендаций, их практической значимости и новизны, совокупности результатов и положений, представляемых на защиту.

Преподаватель русского языка, предлагая иностранным военнослужащим отобранные для изучения образцы текстов для знакомства с типовой структурой ВКР, акцентирует внимание обучающихся на том, что ВКР состоит из пояснительной записки (далее – ПЗ) и графического материала. Именно *текстовая часть* ВКР независимо от ее вида выполняется в форме ПЗ.

ПЗ оформляется в соответствии с требованиями ГОСТов, по содержанию должна соответствовать заданию на ВКР и содержать: титульный лист, задание на разработку выпускной квалификационной работы, содержание, введение, общую часть, специальную часть, эксплуатационную часть, заключение, перечень используемой литературы, приложения.

Титульный лист и задание на разработку ВКР оформляется обучающимися на бланках установленного образца после проверки ВКР руководителем и перед ее брошюровкой.

Оглавление формируется из разделов и подразделов, на которые разбивается пояснительная записка. Пункты и подпункты, использующиеся в ПЗ в качестве заголовков, в оглавление не включают. Преподаватель-русист в данном случае имеет возможность ознакомить обучающихся с рубрикацией.

Введение должно быть кратким и отражать состояние, сущность и актуальность разрабатываемого вопроса, в общих чертах формулировать задачу, решению которой посвящается ВКР. Объем введения обычно составляет 2-3 страницы рукописного либо печатного текста. Обучающиеся должны уяснить, анализируя текст введения, что *во введении* ВКР отражаются: актуальность темы, цель, решаемая задача, современное состояние предметной области по выбранной теме и ее проработки (критический обзор литературы со ссылкой на использованные источники, имеющегося научно-методического аппарата), необходимость нового решения поставленной задачи в свете современных требований (изменившихся условий, появления новых обстоятельств и т.п.), постановка частных задач (в том числе исследовательского характера) для достижения цели работы, использованные в ходе разработки темы ВКР методики, модели, методы, рамки исследования, принятые ограничения и допущения, краткая аннотация рассмотренных в работе вопросов, личный вклад автора, практическая значимость и новизна полученных результатов; вопросы (положения, результаты), выносимые на защиту.

В общей части проводится военно-техническое и военно-экономическое обоснование разрабатываемого вопроса, формулируются требования эксплуатационного характера, анализируются возможные варианты решения стоящей в ВКР проблемы и обоснованно выбираются рациональные из них, излагаются преимущества и недостатки выбранного варианта и намечаются пути их устранения.

Анализ полученных результатов должен включать их оценку по сравнению с существующими решениями, ссылки на использованные источники, рекомендации по практическому использованию.

В основной части работы должны найти отражение на все вопросы, указанные в задании. Они должны быть представлены в виде отдельных структурных элементов текста работы (раздела, подраздела, пункта, подпункта).

В специальной части рассматриваются особенности устройства и углубленная проработка проектируемого объекта, выполняются необходимые инженерные расчеты. Здесь же разрабатываются вопросы испытаний проектируемого объекта, приводятся материалы расчетов с помощью ЭВМ.

Эксплуатационная часть посвящается разработке вопросов особенностей эксплуатации, оценке эксплуатационно-технических характеристик, обеспечению требований техники безопасности проектируемого объекта. Разрабатывается перечень эксплуатационной документации, проводятся оценки влияния спроектированного объекта на эксплуатационные свойства космических комплексов, их экономическую эффективность и экологическую безопасность.

В заключении проводится анализ сущности выполненной ВКР, степени соответствия заданию на ее разработку, современному состоянию военно-космической техники. Объем заключения не должен превышать 1-2 страниц.

В приложении выносятся различные текстовые или графические (таблицы, схемы, графики, чертежи) документы и материалы, справочные данные, промежуточные расчеты и другие вспомогательные материалы, материалы экспериментов, экспертиз, протоколов испытаний, описания алгоритмов и программ, расчетных и информационных задач, акты о реализации результатов исследований и другие материалы, дополняющие разделы текстовой части или подтверждающие вклад автора в развитие предметной области. *Графические материалы* (чертежи, схемы и т.д.) должны охватывать главные решения, полученные при разработке темы ВКР.

Таким образом, основные вопросы, связанные с подготовкой к написанию ВКР иностранными военными служащими, предлагаются им для изучения и анализа в определенной последовательности на занятиях по русскому языку. Обучающиеся имеют возможность до начала оформления ВКР уже под руководством преподавателя-русиста познакомиться с новыми понятиями, изучить новую лексику, применить имеющиеся знания о научном стиле и его особенностях, жанровых характеристиках ВКР, знакомство с которыми произошло

ранее на занятиях по русскому языку при изучении материалов модулей «Научный стиль речи» или, как например, в ходе усвоения материала дисциплины «Культурология» (раздел «Русский язык и культура речи»).

Следуя указаниям и рекомендациям по организации выполнения и защиты ВКР, выработанным в военном вузе, необходимо иметь их в виду, включая дополнительную информацию в материалы учебно-методического комплекса, используемого на практических занятиях по русскому языку с иностранными военнослужащими-выпускниками. Именно данный контингент обучающихся в полной мере и с максимальной пользой для себя должен усвоить содержательный аспект модуля «Подготовка и написание выпускной квалификационной работы». Преподаватель-русист, со своей стороны, должен уделять больше внимания основным вопросам, связанным с подготовкой к написанию ВКР на завершающем этапе основного курса обучения иностранных военнослужащих русскому языку, что будет способствовать оптимизации всего процесса обучения.

Список литературы

1. Графическое оформление выпускных квалификационных работ и курсовых проектов: учебное пособие / А.Н. Бритвин и др. – Санкт-Петербург: ВКА имени А.Ф. Можайского, 2014. – 356 с.
2. *Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р.* Русский язык и культура речи: учебник. – Москва: Проспект, 2004. – 440 с.
3. *Коваленко Б.Н.* Завершающий этап обучения РКИ: выпускная квалификационная работа // Новое и традиционное в практике обучения русскому языку как родному и иностранному в российских университетах нефилологического профиля: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17 – 18 мая 2018 г.). – Санкт-Петербург: СПбГАСУ, 2018. – С. 158 – 163.
4. *Колесникова Н.И.* От конспекта к диссертации: учебное пособие по развитию навыков письменной речи. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 288 с.
5. Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 315 с.
6. *Малина Н.В., Рогачева Т.Д., Кондратьева И.А.* Языковые трудности при написании выпускной квалификационной работы иностранными студентами на завершающем этапе обучения // Новое и традиционное в практике обучения русскому языку как родному и иностранному в российских университетах нефилологического профиля: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17 – 18 мая 2018 г.). – Санкт-Петербург: СПбГАСУ, 2018. – С. 185 – 189.
7. Методические рекомендации по организации преподавания в образовательных учреждениях Министерства обороны Российской Федерации русского языка как иностранного. – Москва, 2011. – 61 с.
8. Методические рекомендации по организации учебного процесса и составлению учебных программ по дисциплинам «Русский язык» и «Основы коммуникации» для иностранных военных специалистов. – Москва, 2012. – 32 с.
9. Пособие по научному стилю речи. Для вузов технического профиля / Под ред. И.Г. Проскуряковой. – Москва: Флинта: Наука, 2004. – 320 с.
10. Приказ Министерства обороны Российской Федерации от 15 сентября 2014 г. № 670 «О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
11. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 июня 2015 г. № 636 «Об утверждении порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры».

12. *Родионова И.В.* К вопросу о подготовке иностранных военнослужащих на занятиях по РКИ к написанию выпускной квалификационной работы // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности: материалы докладов и сообщений XXIV международной научно-методической конференции. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2019. – С. 398-402.
13. *Сидорова М.Ю., Савельев В.С.* Русский язык. Культура речи: конспект лекций. – Москва: Айрис-пресс, 2007. – 208 с.
14. *Федосюк М.Ю.* и др. Русский язык для студентов-нефилологов: учебное пособие. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 256 с.

5.9.5.

А.Б. Черняева

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
кафедра русского языка,
Санкт-Петербург, chernyaeva-a@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА С. ЕСЕНИНА)**

В статье рассматриваются национальные концепты «осень», «береза», «странник», «журавли», «рябина», выявляется их специфика в творчестве С. Есенина и соотношение с национальной когнитивной картиной мира при изучении русского языка как иностранного.

Ключевые слова: *картина мира, концепт, лингвокультура, репрезентация.*

Концептуальный подход открывает новые возможности в преподавании иностранных языков, в том числе преподавании русского языка как иностранного. Обучающиеся могут более глубоко проникнуть в изучаемый материал, связанный с изучением художественной литературы, получить представление о языковой картине мира и национальной культуре.

Изучая творчество С. Есенина в иностранной аудитории, в первую очередь на занятиях необходимо остановиться на рассмотрении безэквивалентной лексики, фоновых знаниях, языковой афористики с точки зрения отражения в них русской культуры, национально-психологических особенностей носителей языка.

Поэзия С. Есенина – живые картины окружающей родной природы, *вместе с тем это картины, отражающие внутренний мир художника, его настроения и переживания.* На занятиях в иностранной аудитории перед преподавателем стоит задача максимально раскрыть эти образы и символы, донести до иностранного обучающегося их своеобразный мир и соотнести их с русской языковой картиной мира.

Языковая картина мира (ЯКМ)- является одним из центральных понятий, где ярко отражается специфика взаимоотношений языка и окружающей действительности. При этом важнейшим является соотношение языка и мышления. Важно отметить, что в научных исследованиях последних десятилетий индивидуальный стиль художника слова изучается с учетом соотношения языка и мышления, способов выражения в языке внеязыковой действительности, знаний о мире, концептосферы. Поэтому, воссоздавая языковую картину мира какого-либо отрезка действительности, необходимо учитывать целый ряд языковых данных: семантические и грамматические компоненты в самом слове; фразеологизмы, пословицы и поговорки, содержащие данную лексему; лексико-семантические поля, в которые входит указанное слово; художественные тексты на данном языке, в которые входит концепт данной лексики.

Восприятие целостной языковой картины мира способствует более глубокому проникновению художественный смысл произведения автора, расширение культурологического компонента: знаний о стране, культуре образе жизни представителей страны изучаемого языка. Принято считать, что владение лексикой, отражающей специфику национального миропонимания, обеспечивает успешную межкультурную коммуникацию. Языковая картина мира образуется в виде концептов, получивших выражение в виде языковых знаков и формирующих семантическое поле языка.

Под концептом нами понимается «интегрированная лингвокультурологическая единица, включающая лингвистический и культурологический аспекты семантики, соединяющая лексическое значение и лексический фон» [3].

Автор художественного текста включает в него национальные концепты, которые с максимальной точностью и полнотой раскрывают и отражают его личное восприятие мира. Чтобы глубже проникнуть в мир поэзии Есенина, постичь подлинный смысл его художественных образов, ощутить «душу народа», необходимо проанализировать его творчество, в том числе и на основе концептуального подхода, позволяющего рассмотреть как данные концепты–лексемы помогают раскрыть и понять сущность русского восприятия мира. С этой позиции мы предлагаем проанализировать стихотворение С. Есенина «Отговорила роща золотая...», используя репрезентацию концептов «осень», «береза», «журавль», «странник», «равнина», «рябина».

Стихотворение «Отговорила роща золотая...» было создано в 1924 году, за год до смерти поэта. Оно относится к философской лирике, затрагивающей вечные вопросы, касается общечеловеческих проблем, волновавших художника. Это стихотворение, как и многие у С. Есенина, пронизаны фольклорными мотивами, «соткано» из народных образов.

В стихотворении С. Есенина «Отговорила роща золотая...» речь идет об осени, раздумьях автора о прожитых днях, о сущности жизни.

Поэт использует приём художественного параллелизма, распространенный в народной лирической поэзии–сопоставление природных явлений с событиями жизни человека.

Для лучшего понимания отображенных в стихотворении картин осенней природы вначале можно рассмотреть концепт «осень» в русской языковой картине мира.

Основное лексическое значение слова «осень» время года, следующее за летом и предшествующее зиме. *Поздняя, дождливая о. Золотая о.* (время, когда желтеют и золотятся листья). *О. жизни* (перен.: о старости) [6].

Концепт времени года - универсальный. Он имеет в разных языках и культурах как лингвистические, так и экстралингвистические (лингвопоэтические и лингвокультурологические) способы выражения.

Осень в русской языковой картине мира–это пора увядания природы, она часто ассоциируется со старостью, приближением смерти.

Слово осень–старость, часто противопоставляют–весне–молодости.

При описании цвета осени часто употребляют метафорическое определение «золотой», а устойчивое словосочетание «золотая осень» является стереотипным образом, глубоко закрепленным в сознании русских людей.

В тексте стихотворения С. Есенина метафора «*роща золотая*» создает картину осенней русской природы.

Отметим, что в творчестве поэтов мы встречаемся с перенесением тех или иных явлений природы на человека. И этот признак, как уже отмечалось, весьма ощутим в поэзии Есенина, где приобретает своеобразное выражение.

Образ золотой рощи, говорящей языком берез, поразителен сам по себе, но особенно тонко и проникновенно раскрывается в этом произведении сложное психологическое состояние лирического героя. Для Есенина характерно очеловечивание природы: она словно сосредоточение человеческих чувств.

Образ героя соотносится с образом *березовой* рощи на протяжении всего стихотворения.

Частое обращение русских поэтов, писателей к концепту «берёза» говорит о том, что он занимает важное место в языковом сознании русских людей и, следовательно, может претендовать на роль концепта русской культуры. По словам М. Эпштейна береза во многом благодаря Есенину стала национальным поэтическим символом России. Береза наиболее часто встречается в произведениях поэта.

Основное лексическое значение слова «**береза**» -лиственное *дерево с белой (реже темной) корой и с сердцевидными листьями. // прил. березовый, -ая, ое. Березовая роща. Береза – один из символов России, русской природы*[4] .

Отметим также, что В.И. Даль в своем словаре указывает, что «*березу белую зовут и веселкою*».

Для Есенина берёза—символ родной земли, дома, времени—прошлого и настоящего. С образом берёзы у поэта связаны самые тёплые воспоминания о прошлом, ощущение настоящего, предчувствие будущего: «отговорила роща золотая **березовым** веселым языком», «скажите так что роща золотая *отговорила* милым языком». С концептом «берёза» в стихотворении С. Есенина связана особая музыкальность, метафоричность образа, звуковые ощущения.

В лирике С. Есенина неоднократно встречается образ журавля.

И журавли для Есенина – один из символов родной земли: «*Полюбил я седых журавлей с их курлыканьем в тощие дали...*» («Низкий дом с голубыми ставнями...»).

Основное лексическое значение слова «**журавль**» - большая болотная птица с длинными ногами и длинной шеей. *Стая журавлей* [6].

К традиционным мотивам можно отнести прилеты-отлеты журавлей, определяющие цикличность природы. Раньше сельские труженики сверяли начало и конец полевых работ по журавлиным передвижениям, птицы были незаменимыми помощниками в трудовой деятельности человека. Это доказывает большое количество народных пословиц, поговорок и примет. Так прилет журавлей означал, что пора сеять, отлет журавлей показывал: дело к осени, время жатвы. Хорошим знаком считалось увидеть в небе журавлиный клин, журавлиное пение после дождя обещало добрый урожай. Эти приметы издавна вошли русскую лирику.

Еще один традиционный мотив – осеннее прощание:

«И **журавли**, печально пролетая,

Уж не жалеют больше ни о ком...

Стою один среди равнины голой,

А **журавлей** относит ветер вдаль... [5, с.190].

Но этот текст не только о прощании – он о преходящей молодости, о бренности земной жизни, о творчестве. Душа лирического героя как будто перевоплотилась в душу журавля, печально взирающего на уплывающую под крылом землю—жизнь.

Среди важнейших категорий, на которых строится вся система человеческих знаний, первостепенное значение имеет «пространство». Реальное регионально-географическое пространство откладывает неизбежный отпечаток на ментальность этноса, формируя психологический облик его представителей и онтологические характеристики [4, с.17]. Подчеркивая соразмерность экосистемы народа его духовной культуре, Д.С. Лихачев называет природу «выражением души народа», а «пейзаж страны элементом национальной культуры» [4, с.18].

Согласуется с концепцией «горизонтального сознания» русского человека и тот факт, что самым частотным пространственным образом Есенина является «равнина. Плоскостное сознание, диктуемое Сергею Есенину российским местоположением, ставит равнину в иерархии концептов на уровень синонима слова родина [2, с.35].

С образом равнины сопряжено и чувство одиночества, характерное для лирического героя Есенина, самого автора и вообще русского человека, для которого одиночество есть экзистенциальная категория. Перед ликом смерти человек всегда одинок. И русская осенняя равнина, которую поэт дорисовывает эпитетом «голая», позволяет создать психологический фон для размышлений о пройденном:

Стою один среди **равнины голой**,

А журавлей относит ветер в даль,

Я полон дум о юности весёлой,

Но ничего в прошедшем мне не жаль [5, с.190].

Основное лексическое значение слова «**рябина**» - дерево или кустарник сем, розоцветных с собранными в кисти горьковатыми оранжево-красными плодами (ягодами), а также сами ягоды.

Тонкая одинокая рябина (также перен. в песнях: *символ одинокой женщины*) [6].

Русское название произошло от древнеславянского «рябь» – рябой (по В.И. Далю – крапинка, веснушка). Рябина, отмеченная народной наблюдательностью, входит в народную поэзию весною. Но самой яркой приметой рябины все же являются не цветы, а ягоды.

По мере созревания ягод рябины складывались новые приметы, новые образные представления: зарделась рябина – макушка лета, рябина покраснела – время идет к осени, наступает пора второго цветения рябины. Как мы видим, С. Есенин в своем стихотворении метафорично выделил яркую окраску рябины и соединил с яркостью второго цветения рябины грустные чувства: «*В саду горит костер рябины красной, но никого не может он согреть*». Этот есенинский образ рябины – образ уходящей молодости, утраченной любви, отгоревшего тепла. В «рябиновом костре» сгорают последние надежды.

В стихотворении «Отговорила роща золотая...» вся человеческая жизнь осмысливается автором как странствие: «Кого жалеть? Ведь каждый в мире *странник*».

Основное лексическое значение слова «**странник**» – тот, кто странствует. //Тот, кто постоянно находится в пути [6].

В русской культуре странничество – это путь самопознания и дорога к Богу. Религиозно–философское осмысление странничества как черты русского национального характера дали Б. Вышеславцев и Н. Бердяев. По мнению философов, русский страннический дух мечтает об идеальном мире, находится в вечном поиске лучшего места и стремится попасть в царство Божие.

Поэт смотрит на свою жизнь со стороны и ни о чем не жалеет, принимая такое устройство жизни как данность и понимая, что его жизненное странствие подходит к своему завершению.

Таким образом, нами рассмотрены и проанализированы концепты «осень», «береза», «журавли», «рябина», «странник» с точки зрения языка и национальной культуры, а также специфика их реализации в творчестве С. Есенина в стихотворении «Отговорила роща золотая...»

Представляется, что подробное рассмотрение национальных концептов при изучении творчества С. Есенина, которые включены в текст автора и максимально полно раскрывают и отражают его личное восприятие мира, позволит через призму этих концептов также получить наиболее полное представление о русской языковой картине мира.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Ментальность народов мира. М., 2003. - 544 с.
2. Довлеткиреева Л.М. Язык и миниатюра в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа // Материалы Международной научно-практической конференции. Чеченский государственный педагогический университет, 2018. - С.33-39.
3. Муллагалиева Л.К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь. М., Ладомир, 2006. - 234с.
4. Новейший толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. - СПб., М., Рипол-Норинт., 2008.
5. Сергей Есенин. Собрание сочинений в 3-х томах. Т.1. М., 1970. - 382 с.
6. Толковый словарь русского языка. РАН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова» / отв. ред. Н.Ю. Шведова. - М., 2007.

5.9.5.

Т.С. Шевченко

Ставропольский государственный педагогический институт,
педагогический факультет,
кафедра русского, родных языков и лингводидактики,
Ставрополь, shevchenko31569@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРАГМАТОНИМАХ, ОСНОВАННЫХ НА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В работе представлены результаты изучения прагматонимов Павловопосадской платочной мануфактуры (ППМ) с точки зрения их способности отражать ценности и концепты русской культуры. Выявлена роль безэквивалентной лексики в создании торговых названий с этнокультурной спецификой. Приведена классификация прагматонимов ППМ по данному критерию.

Ключевые слова: *прагматонимы, безэквивалентная лексика, ономастика, лингвокультурология, прагмалингвистика.*

2022 год был объявлен Годом нематериального культурного наследия народов России, что свидетельствует о неистощающемся интересе к народным промыслам. В современных политических реалиях проблема этнокультурной самобытности и национальной самоидентификации приобретает особую важность. Наша статья посвящена изучению известнейших и старейших народных промыслов России – павловопосадскому платку, а именно: особенностям его современных рекламных имен – прагматонимов. Индивидуальные названия изделия ППМ стали получать во 2-й половине XX века. Платок сам по себе является значимым репрезентантом русской культуры, что, как показывает наше исследование, предопределяет специфику торгового нейминга ППМ. На данный момент в каталогах ППМ зафиксировано около 1100 названий изделий.

Прагматонимы – это «номены для обозначения сорта, марки, товарного знака» [6, с. 72]. Они входят в ономастическое пространство, которое строится на реальных и вымышленных именах, состоит из множества полей и напрямую связано с картиной мира в представлении какого-либо народа в настоящее время, с сохранением вербализованного опыта прошедших эпох. Прагматонимы призваны выполнять аттрактивную функцию, запоминаться и легко воспроизводиться в речи, при этом обязательно содержат коннотативный компонент значения.

В русистике исследованию прагматонимов посвящено множество научных работ (изучены торговые названия платьев, мясных продуктов, чая, духов, конфет, банковских учреждений и т.д.). Тем не менее номены ППМ находились вне круга интересов ученых.

В данной статье рассматриваем прагматонимы ППМ, которые актуализируют безэквивалентную лексику (БЛ), поскольку она сосредоточивает «культурную специфику, особенности мировидения и ценностные ориентации носителей языка» [8, с. 96]. По мнению О.В. Врублевской, включение лингвокультурного компонента остается модной тенденцией в современной русской прагматонимии: «прагматонимы данного типа способствуют укреплению в коллективном сознании значимых для русской культуры концептов, а значит, объединению нации в период ломки сознания и нестабильности ценностных ориентиров» [3, с. 20]. Уже «сам язык со всеми своими единицами – явление национальной культуры» [3, с. 19]. Однако, по мнению ученых, например [2, с. 154], установить наличие национально-культурной специфики значения у слова можно только путём сопоставления семантики слов разных языков.

Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров выделили группы слов с национально-культурной семантикой: советизмы; слова нового и традиционного быта; историзмы; фразеологизмы и афоризмы; слова из фольклора; слова нерусского происхождения [2]. Все они в той или иной мере используются в названиях ППМ.

Многие лингвисты изучали и классифицировали БЛ. Так, Л.С. Бархударов выделяет в ее составе имена собственные, реалии и случайные лакуны [1, с. 94]. А.О. Иванов рассматривает референциально-безэквивалентную, прагматически безэквивалентную и альтернативно-безэквивалентную лексику [4, с. 46]. Наше исследование показало, что 45% прагматонимов ППМ задействует БЛ в широком смысле, включая онимную, т.е. апеллирует непосредственно к русскому культурному фонду.

Мы опираемся на классификацию БЛ А.О. Иванова и считаем, что в ряде случаев граница между различными группами БЛ является зыбкой. К 1-й группе, референциально-безэквивалентной лексике, относятся: 1. Индивидуальные неологизмы. Среди прагматонимов ППМ их единицы (*Котябрь, Мадемаузель*; здесь и далее в скобках – названия платков ППМ). 2. Семантические лакуны, т.е. выражаемые одним словом понятия, не имеющие аналогов в иных языках (*Лазоревый, Травинка, Иван-да-Марья, Молодушка, Зазноба, Услада, Ненаглядная, Переполох, Отрада* и др. – в нашем материале их 22). Среди них встречаются феминитивы (*Горожанка, Северянка* и др.). 3. Слова широкой семантики (*Русское раздолье, Раздумье, Переплетение судеб*). 4. Сложные слова (*Лучезарный, Разномравье*).

Ко 2-й группе – прагматически безэквивалентной лексике – относятся: 1. Различные отклонения от языковой нормы. Например, старославянизмы (*Златые дни, Злато-серебро, День осени златой, Стольный град Москва* и др.), прочие книжные конструкции (*Средь густых ветвей, Пламень сердца, Песнь уходящего лета, И снова весна* и др.), коллоквиализмы (*Ох уж эти сказки, Не пойду!*), инверсии, также относящиеся к непереводаемым конструкциям и апеллирующие к особому лингвокультурному коду (*Белой ночи кружевные сны, Утро румяное, Любви желанная пора, Цветет сирень* и мн.др.). 2. Иноязычные вкрапления (*Весёлка, Сельби, Нестерен* и др.). С одной стороны, это экзотизмы, с другой – характеризуют русскую культуру с точки зрения ее способности к творческой переработке инокультурных концептов. 3. Наричательные существительные с суффиксами субъективной оценки (всего 25 номенов). Среди них есть как одиночные лексемы (*Балаганчик, Лужок, Ивушка, Вербочка, Журавушка, Заряночка, Меленки, Цыганочка, Куделька* и мн.др.), так и компоненты словосочетания (*Вдоль по реченьке, Свет в окошке, Заповедный уголок* и др.). Большинство их относится одновременно и к ассоциативным лакунам (см. далее). 4. Междометия (*Ах ты душенька, красна девица; Ох лето красное, любил бы я тебя*). 5. Ассоциативные лакуны – наименования, вызывающие четкие ассоциации, связанные с особенностями национально-культурной языковой действительности и мышления. Например, русский человек воспринимает березу как символ русской природы, а мышлению англичанина это не свойственно. Подобных прагматонимов насчитываем около 30 (*Пава, Деревня, Русское поле, Сибирская красавица* и др.).

Наконец, 3-я группа – альтернативно-безэквивалентная лексика: 1. Имена собственные, в т.ч. топонимы, антропонимы. Подобных отонимных прагматонимов ППМ – 108 (топонимы *Подмосковье, Чистые пруды, Вятка, Золотое кольцо России, Донские зори, Ярославия, Сергиев Посад*, в т.ч. номены-перифразы художника Е.Н. Литвиновой – *Город роз, Ситцевый край, Родниковый край* и т.д.; все слова с корнем «рус-/рос-» – *Русь, Цветы России* и мн. др.; антропонимы *Пелагея, Аленушка, Варенька* и мн.др.). 2. Обращения (*Барышня, Сударушка, Сударыня* и др.). 3. Фразеологизмы (у художника З.А. Ольшевской – *Еще не вечер, Лет до ста расти нам без старости*). Близки к фразеологизмам (по [2]) слова из фольклора (*Аленький цветочек, Заря-Заряница, Муравушка, Молодильные яблочки, Марья-искусница, Диво дивное, Кащеево царство, Царевна-Несмеяна, Садко, Морозко, Гуси-лебеди* и др., всего 24). 4. Реалии – социально-исторические (*Царский дворик, Царевна, Казачка, Боярышня, Боярыня, Княжна, Посадский, Павловская слобода, Улочки Посада* и др.);

социально-бытовые (*Изразец, Завалинка, Палисадничек, Горница, Мчится тройка, Терем расписной, У самовара, Кокошник, Монисто* и др.); явления православной и доправославной культуры (*Загорские колокола, Малиновый звон, Вечерний звон; Праздник Покрова, Троицыно утро, Красная горка, Маков день, Иван Купала, Масленичные гуляния, Радоница* и др.); вехи отечественной истории (*Вохонское сражение в войне 1812 года, Герои войны 1812 года, Дружба народов* и др.); отсылки к народным промыслам (*Вологодские узоры, Жостовский букет, Павловопосадский, Гжель, Матрешка, Печатный пряник, Старейшие народные художественные промыслы Подмосковья, Хохломские узоры, Скандь* и мн.др.); понятия из сферы народной музыки и танцев (*Веснянка, Разводной, Русский перепляс, Хоровод, Камаринская*). Всего в этой подгруппе 60 номенов.

Помимо того, значительная часть прагматонимов ППМ опирается на связанные с русской культурой прецедентные тексты различного типа и генезиса (*Любовь земная, Прекрасное далёко, Свет мой, зеркальце, Мороз и солнце, Дворянское гнездо, Солнечный круг, Сад пустоты* и др., чаще других – у художника Е.В. Жуковой).

Семантика лексических единиц с этнокультурной спецификой будто в зеркале отражает культуру народа, особенности и тенденции развития языковой системы в целом. Прагматонимия воссоздает картину мира в восприятии потребителя с его национально-культурной ценностной ориентацией. Торговые названия товаров народно-промыслового профиля, основанные на безэквивалентной лексике, выполняют не только аттрактивную и рекламную, но и аксиологическую функцию, представляя собой материал для исследования русской языковой картины мира.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2010. 235 с
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 2000. 387 с.
3. Врублевская О.В. Модные тенденции в прагматонимии // Современная коммуникативистика. 2017. №2. С. 19, 20.
4. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. СПб., 2006. 200 с.
5. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. 342 с.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1998. 398 с.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 366 с.
8. Теля В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 454 с.
9. Шевченко Т.С. К вопросу о народно-промысловых прагматонимах: стилистический аспект // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. №2. Ч. 2. С. 209–214.

5.9.5.

И.В. Шерстяных

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, irkinna@yandex.ru

ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО *ГОВОРЯ* В МЕТАТЕКСТОВОЙ ФУНКЦИИ

В статье предлагается коммуникативно-прагматический анализ слова «говоря» в его дискурсивном употреблении, формальным показателем такого употребления является вхождение слова в состав метатекстовых комментаторов языковой рефлексии. Статья содержит описание таксономии функционирующих в речи вербальных маркеров языковой рефлексии с метакомпонентом «говоря» типа «честно говоря», «иначе говоря» и под. Установлено, что в основе экспликации языковой рефлексии относительно важных для языкового сознания носителей русского языка параметров речевого выражения лежит реализация дискурсивных функций, характерных для вводно-модальных слов: вербализация рефлексии говорящего по отношению к высказыванию, экспликация оценочности, персуазивности, авторизации, осуществление фатической функции.

Ключевые слова: *вводно-модальное слово, дискурсивное слово, метамаркер, метапоказатель, метаязыковая функция, языковая рефлексия.*

В русской лингвистической традиции термин «дискурсивные слова» не получил широкого распространения [3, с. 7]. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что дискурсивные слова не образуют единый «естественный» класс единиц. Под категорию дискурсивных слов на функционально-семантической и формальной основе попадают вводно-модальные слова, модальные частицы, некоторые наречия и междометия и др., употребление которых связано как с задачами передачи субъективной модальности, так и с экспрессивно-эмоциональными задачами. Общей для дискурсивных слов является их способность к дискурсивизации текста: «дискурсивные слова устанавливают отношение между двумя (или более) составляющими дискурса» [3, с. 8], т. е. дискурсивные слова непосредственно связаны с модусом высказывания, зависимы от контекста, коммуникативное в них преобладает над номинативным.

Дискурсивные слова определяются как «единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, <...> отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения важности, правдоподобности, вероятности, и т. п.» [1, с. 7].

Существуют разные подходы к изучению единиц, входящих в класс дискурсивных слов. С точки зрения экспликации процесса построения речи данные единицы относятся к сфере метакоммуникации, которую можно определить как «высказывания, эксплицирующие, анализирующие или комментирующие содержание или форму отдельных компонентов дискурса» [2, с. 414].

Мы считаем возможным рассматривать дискурсивные слова как единицы, имеющие в дискурсе ситуативно-прагматическое содержание [10, с. 43]. Вербализация явлений действительности в случае коммуникативной необходимости осуществляется разными способами, в том числе и с помощью дискурсивных слов, их систематизация и функционально-семантическое описание позволяют выявить средства вербализации языковой рефлексии.

Цель настоящего исследования – определить специфику экспликации в речевой практике метакompонента *говоря* и выявить дискурсивные функции, послужившие основой для его вербализации. Сразу следует отметить, что слово *говоря* мы рассматриваем в составе эксплицирующих языковую рефлексию дискурсивных сочетаний типа *честно говоря, строго говоря, мягко говоря*, условия употребления и значения которых отличаются от значений их составляющих компонентов.

В ходе исследования использован обширный речевой материал: из «Национального корпуса русского языка» [5] и аспектных словарей русского языка [4; 6; 8-9] методом сплошной выборки извлечены вводно-модальные единицы с компонентом *говоря*, всего 146 метамаркеров, представляющих собой как свободные, так и устойчивые словесные комплексы с метапоказателем *говоря*.

Примечательно, что лексема *говоря* бытует в языковом сознании русскоязычных как ассоциат к стимулам, характеризующим вместе с ним языковую рефлексию говорящего. См. обратную словарную статью из «Русского ассоциативного словаря»: *говоря* ← *короче* 38; *иначе* 15; *строго* 7; *вообще, честно* 6; *коротко, мягко* 4; *грубо, по-русски* 3; *сквозь слезы* 2; *об искусстве, о человеке, о чем-то, попусту, про себя, проще, серьезно* 1; 17+95 [7, с. 157]. Как видим, вербализация речевого действия возникает, если стимулом выступает метаязыковая характеристика процесса говорения. При этом метакompонент *говоря*, вербализируемый в ответ на стимулы *короче, иначе, честно*, отражает частотность его употребления в речевой практике в составе ментально-речевых единиц, употребляемых как вводно-модальные слова. По данным «Национального корпуса русского языка», вводно-модальный комплекс *честно говоря* является самым частотным, встречается в 2 603 контекстах, далее по употребительности следует метамаркер *иначе говоря* – 2 518 контекстов и вводно-модальный комплекс *короче говоря* – 1 784 контекста [5].

Перейдем к характеристике выявленных на материале «Национального корпуса русского языка» вербализованных метамаркеров с лексемой *говоря*.

Самую многочисленную группу составляют устойчивые сочетания, маркирующие в качестве метакompонента форму существования языка:

– вербализация функционального стиля: *говоря научным языком, говоря строго научным языком, говоря по-научному, говоря научно, говоря техническим языком лингвистики, говоря официальным языком, говоря языком бумажным, говоря юридическим языком, говоря высоким слогом, говоря высоким стилем* и др.;

– вербализация социолекта: *говоря профессиональным языком, говоря на сленге, говоря академическим языком, говоря по-ученому, говоря по-лагерному, говоря языком маркетинга, говоря по-одесски, говоря по-парижски, говоря нашим языком, говоря военным языком, говоря «гражданским» языком, говоря дипломатическим языком, говоря изысканным искусствоведческим сленгом, говоря химическим языком, говоря совсем по-жизнски, говоря языком специалистов, говоря компьютерным языком, говоря милицейским протоколом, говоря языком многотиражек, говоря языком современных журналистов, говоря спортивными терминами, говоря языком департамента образования, говоря языком российских кинофункционеров* и под.;

– вербализация идиолекта: *говоря словами Жванецкого, говоря словами далёких от поэзии биржевых аналитиков, говоря словами из псалмов Давида, говоря словами одного из пилигримов, говоря, опять же, словами Кубрика, говоря словами упомянутого Елагина, говоря словами Ленина, говоря словами В. Библиера, говоря в терминах Фрейда, говоря словами Ходжера, говоря уже языком Марины Цветаевой, говоря словами автора книги «Эффект Моцарта», мамиными словами говоря, говоря цитатой из того же Баратынского, говоря их словами, по-мандельштамовски говоря* и под.

При этом возможна вербализация в метатекстовом показателе хронологических рамок существования языка: *говоря современным языком, по-современному говоря, говоря нынешним языком, говоря сегодняшним языком, говоря языком того времени, говоря старинным языком, говоря несколько устаревшим социологическим языком, по-старому,*

по-советскому, говоря, говоря старинным прекрасным слогом, говоря старомодно и др.

Приведенные метамаркеры передают рефлексию говорящего относительно идиостиля речевого высказывания, связывают информацию с ее источником, характеризуемым с точки зрения манеры его выражения или принадлежности ко времени, определенному локусу. Следовательно, можно говорить о синкретизме подобного рода вводно-модальных слов: данные ментально-речевые единицы одновременно выполняют метаязыковую функцию и выступают показателями авторизации.

Синкретичны по своему характеру и вводно-модальные комплексы типа *говоря привычным для вас языком, говоря знакомым тебе языком*. Подобные метаединицы, кроме метаязыковой функции, выполняют в речи фатическую функцию: они ориентированы на собеседника, призваны вовлечь собеседника в процесс коммуникации, что поддерживается употреблением в их составе местоимений 2-го л.

Самым частотным в речевой практике метамаркером с компонентом *говоря*, по данным «Национального корпуса русского языка», как уже было отмечено, является метатекстовый комментатор языковой рефлексии *честно говоря*, зафиксированный в этой функции и в словарях русского языка. Ср.: *честно говоря* «употр. для выражения того, что говорящий высказывается вполне откровенно, делает доверительное признание» [4, с. 377; 8, с. 104].

Довольно частотны в дискурсивном употреблении синонимичные вводно-модальному сочетанию *честно говоря* метатекстовые показатели персуазивности *откровенно говоря* [4, с. 251], *по правде говоря* [6, с. 307; 9, с. 215], *правду говоря* [4, с. 280; 9, с. 215], *говоря по-честному*, оформляющие рефлексию говорящего по отношению к собственному высказыванию, служащие для выражения уверенности в достоверности сообщаемого.

Метатекстовыми показателями персуазивности выступают в дискурсивном употреблении при подчеркивании истинности сказанного и метамаркеры *по совести говоря, по чести говоря, от сердца говоря, по справедливости говоря, говоря объективно, говоря совсем объективно, прямо говоря, реально говоря, говоря совсем беспристрастно*, вербализирующие субъективную оценку говорящим содержания с точки зрения истинности высказывания.

Частотность данных метамаркеров обусловлена тем, что понятия истины, правды, чести теснейшим образом связаны с особенностями русского менталитета, принадлежат к числу высших ценностей русской духовности и выступают важнейшими духовными составляющими жизнедеятельности русского человека, так как содержат в себе как интеллектуальные, так и моральные свойства идеала.

Для вербализации языковой рефлексии и эмоционально-экспрессивной оценки высказывания в речи используются метапоказатели с компонентом *говоря*, характеризующие способ выражения за счет осложнения значения вводно-модального компонента обстоятельственной семантикой: *образно говоря, говоря пышно, пафосно говоря, высокопарно говоря, говоря метафорически, говоря фигурально, говоря символически, схематически говоря, вульгарно говоря, говоря по-русски, говоря специфическим языком, говоря грамотным языком, теоретически говоря, официально говоря, формально говоря, серьезно говоря, говоря всерьез, говоря без шуток, в шутку говоря* и др. Языковая рефлексия говорящего проявляется через указание на характер высказывания. Комментируя собственное высказывание через метапоказатели, говорящий дает установку на то, как воспринимать сообщаемое, ориентирует слушающего на правильное восприятие высказывания. В этом случае можно говорить о взаимосвязи между дискурсивным и недискурсивным употреблением ментально-речевых единиц.

Назначение метапоказателей типа *мягко говоря, мягче говоря, вежливо говоря, аккуратно говоря, аккуратнее говоря* – сопроводить эвфемизмы в высказывании. Напротив, маркеры типа *грубо говоря, жестко говоря, говоря жестче, цинично говоря* выступают показателями дисфемизации речевого выражения. Данные метакомпоненты выполняют две дискурсивные функции: выражают метаязыковую оценку и предупреждают о том, что сопровождают речевые единицы, являющиеся условными наименованиями.

Разнообразный спектр значений эксплицируют метамаркеры указания на логические связи и отношения между частями сообщения. Можно выделить следующие группы вербальных маркеров языковой рефлексии, эксплицирующие перефразирование содержания высказывания с целью:

- уточнения мысли: *иначе говоря, говоря по-иному, вернее говоря, говоря иными словами, говоря другими словами, говоря по-другому, точнее говоря, говоря совсем точно, корректнее говоря, правильное говоря*. Ср. определение дискурсивного значения в словаре: «иначе говоря 1) употр. для выражения того, что далее следует передача уже высказанного содержания с помощью других, обычно более точных, наглядных или понятных слов; 2) употр. для выражения того, что далее следует вывод, прямо вытекающий из содержания предыдущей речи» [4, с. 146];

- упрощения изложения: *проще говоря, попросту говоря, упрощенно говоря, говоря по-простому, говоря совсем просто, говоря простым языком, говоря простым и доступным языком, говоря языком более простым, говоря примитивно*;

- сокращения информации: *короче говоря, коротко говоря, говоря совсем коротко, кратко говоря*;

- пояснения к сказанному: *кстати говоря, к слову говоря, к примеру говоря, условно говоря, очень приблизительно говоря*;

- обобщения информации: *вообще говоря, вообще-то говоря, говоря шире, обобщенно говоря, говоря очень обобщенно, в сущности говоря, по сути говоря, собственно говоря, строго говоря, говоря строго и по большому счету*;

- подчеркивания неразглашения информации: *между нами говоря, говоря строго между нами*.

В самих формах метамаркеров с компонентом *говоря* ярко отражаются особенности их функционирования в дискурсе. Все перечисленные дискурсивные слова выражают отношение высказывания к действительности, устанавливаемое говорящим, указывают на способы оформления мыслей, по выполняемым в контексте функциям близки к союзам. Используя эти метапоказатели, говорящий вербализирует свою языковую рефлексия, тем самым он акцентирует внимание на свойствах информации, вводимой в высказывание с их помощью.

Как дискурсивная единица, предназначенная для локализации части высказывания, может употребляться оборот *не говоря уже о...* Ср.: *Всякая серьёзная модернизация даже на отдельно взятом компьютере, не говоря уже о локальной сети организации, является достаточно болезненной процедурой* (А. Майорова. Утром – деньги, вечером – программы. Лицензионная политика Microsoft потребителя не радует // «Известия», 2002.05.14); *Чтобы сделать изложение понятным без детального знакомства со статьями, не говоря уже об оригинальных работах, мы кратко осветим историю развития исследований в Москве и в Калькутте* (В. Л. Гинзбург, И. Л. Фабелинский. К истории открытия комбинационного рассеяния света // «Вестник РАН», 2003). Дискурсивная функция метапоказателя *не говоря о...* – отделить и изолировать части высказывания друг от друга, локализовать выделенную с помощью метамаркера часть высказывания в тексте, придать ей особое значение.

Т. о., конструкции с метакомпонентом *говоря* отражают идею языковой рефлексии говорящего, усложняют высказывание, разрушая его линейность, ограничивая смысловые отрезки внутри высказывания и создавая дополнительные уровни внутри него, фокусируют внимание на форме передачи информации. Метамаркеры с компонентом *говоря* могут быть определены как метатекстовые комментаторы языковой рефлексии, реализующие дискурсивные функции, характерные для вводно-модальных слов: вербализация рефлексии говорящего по отношению к высказыванию, экспликация оценочности, персуазивности, авторизации, осуществление фатической функции.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам. – М.: Помовский и партнёры, 1993. – 208 с.
2. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. – М., 1978. – С. 402-421.
3. Киселева К.Л., Пайар Д. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. – М., 1998. – С. 7-11.
4. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 421 с.
5. Поиск в Национальном корпусе русского языка: *говоря*. – URL: <https://ruscorpora.ru/>
6. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 416 с.
7. Русский ассоциативный словарь: [в 2 т.]. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 992 с.
8. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 811 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – М.: Рус. яз.–Медиа, 2003. – 336 с.
10. Шерстяных И.В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы *правда*) // Жанры речи (Speech genre): междунар. научн. журнал. – Саратов, 2016. – №1 (13). – С. 42-49.

5.9.6. – ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)

5.9.6.

Д.О. Алимбеков

Уфимский университет науки и технологий,
факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации,
Уфа, alimbekov-1998@mail.ru

ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ НЕОЛОГИЗМОВ И СЛЕНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В работе представлены влияния современных эколингвистических тенденций на формирование неологизмов.

Ключевые слова: *сленг, социальные сети, эколингвистика, неологизмы.*

Цель статьи – рассмотреть влияние языковых тенденций, распространенных в социальных сетях на неологизмы и сленг в англоязычном медиадискурсе, а также классифицировать сленговые единицы в соответствии с данными тенденциями. Актуальность исследования обуславливается малой изученностью темы влияния эколингвистических факторов на сленг и неологизмы в медиадискурсе.

Эколингвистический подход в неологии может быть основан на эколингвистическом мониторинге, который мы определяем как "непрерывно функционирующую систему сбора и анализа экстралингвистических и внутриязыковых данных, проведения дополнительных информационно-аналитических исследований (опросов общественного мнения) и оценки (выявления) языковой ситуации и тенденций ее дальнейшего развития". Анализ полученных результатов поможет разработать необходимые меры для сохранения или восстановления языкового баланса эколингвистики.

Несмотря на то, что эколингвистика направлена на защиту здоровья языка, она не должна превращаться в лингвистический пуризм, направленный на борьбу с "осквернением языка". Напротив, главной целью эколингвистики должно быть сохранения "здоровья" языковой экосистемы, то есть сохранение взаимодействия языка с различными лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Своим созданием экология языка обязана труду американского лингвиста XX века Эйнара Хаугена. Согласно его мнению эколингвистика – это изучения взаимодействия языка и его окружения, т.е. людей, использующих язык в различных сферах жизни. [2, с. 43-44] Можно сказать, что язык может существовать и выполнять свою основную функцию, т.е. быть средством общения людей, только находясь в безотрывном контакте со своим окружением (общественным, естественным и так далее).

Полномасштабные исследования неологизмов с точки зрения эколингвистики жизненно важны в настоящее время ввиду угрозы, которую глобализация и другие экстралингвистические факторы представляют для безопасности современных национальных языков.

Среди множества сленговых единиц в настоящее время можно выделить несколько явных тенденций. Во-первых, следует отметить широкое распространение языковых единиц образованных при помощи соединения слов. К данной категории можно отнести сленговую единицу "Downbad", которая используется для описания человека, находящегося в очень трудном жизненном положении, чаще всего из-за личных или психологических факторов. Например:

-Have you seen Reggie lately?

-He's down bad. A week ago, he broke up with his girl because he caught her cheating. Now he won't leave the house.

К данной группе сленговых единиц следует также относить такие сленговые единицы как "meatriders", которая используется в медиа дискурсе для обозначения человека, который заиклен на определенной знаменитости (часто на так называемых инфлюэнсерах, то есть интернет-знаменитостях) и превозносит их, раздражая тем самым других пользователей социальных сетей. Нередко данная единица используется по отношению к фанатам корейских исполнителей в жанре K-POP. Например:

- Dude, my twitter name got Jimin in it, my profile picture is Jimin, my boxers got Jimin on it, and my room is filled with posters of him! I'm a huge fan!

- No, you're a f**ng meatrider John!

Продолжая тему заикленности на ком-либо или чем-либо, стоит выделить единицу "rent free", используемую для описания определенных пользователей либо групп пользователей, которые тратят слишком много времени и энергии на мысли о человеке, ситуации или проблеме - по сути, позволяя этой теме занимать место в их сознании.

-Have you seen WaPo publishing another Trump rant?

- Yeah, he lives in their heads rent free.

Так как взаимодействие пользователей между собой является ключевой сферой использования сленга, следует отметить единицу, связанную с реакцией на сообщения в социальной сети "get dragged", используемую в случаях, когда один из пользователей подвергается серьезной критике. Например:

- She posted a picture of herself yesterday and got a lot of hate for it.

- Yeah, she got totally dragged.

Помимо указанных выше, следует отметить тенденцию к сокращению языковых единиц с целью экономии времени, речевых усилий, а также в связи с ограничением по количеству символов при общении в социальных сетях. Доказательством существования данной тенденции могут служить сленговые единицы, среди которых следует выделить "TL; DR" (от англ. too long, didn't read). Данная единица плотно укрепилась в сфере медиа дискурса, так как часто используется для передачи сокращенной сути сообщения.

К данной группе также относится такой неологизм как "FR" (от англ. for real), используемый в сфере медиадискурса в качестве подтверждения уверенности в своих заявлениях. Например:

- Damn it's cold outside, we might freeze to death.

- Yeah, fr.

Помимо приведенных выше представителей данной группы сюда же следует отнести сленгизм "obvi" (от англ. obvious), изначально набравшее популярность из-за ограничений по количеству символов в сообщениях в социальных сетях, но в последствии вошедшее в такой же форме в язык повседневного общения молодежи.

Переходя к третьей группе неологизмов, образованных в результате переосмысления денотата существующих языковых единиц, стоит отметить, что тенденция к изменению значения слова неотрывно связана с развитием языка. В качестве примера представителей данной категории следует отметить "snatched", приобретшее значение "модный" или "идеальный". Следует отметить, что данная единица перешла в медиа дискурс из социолекта афроамериканцев. Сленговая единица "wig" также претерпела значительные изменения и может относиться к данной группе. В своем новом значении данный неологизм потерял объектное значение и стал междометием, выражающим крайнюю степень удивления. Например:

- I got free tickets to Katy Perry's show!

- No way omg WIG!

Наконец следует выделить четвертую группу языковых единиц, сформировавшуюся под влиянием тенденции к формированию новых языковых единиц. Чаще всего данный вид неологизмом формируется из авторских слов пользователей социальных сетей. К данной категории относится популярное среди западной молодежи выражение “yeet”, имеющее различные значения в качестве междометия, а также значение “бросить” в качестве глагола. Такая гибкость данной языковой единицы еще сильнее ускорило ее распространение. Также к данной категории следует отнести выражение “oomphie”, вызывающее недоумение у многих представителей старшего поколения пользователей социальных сетей. Данный неологизм является “потомком” устоявшегося сленгового выражения “crush”, в значении “любимый человек”. Например: “Yooooooo! You see that chick over there? Total Oomphie!”

Подводя итоге всему вышесказанному, стоит отметить, что при рассмотрении современных тенденций, наблюдаемых в социальных сетях, прослеживается прямая аналогия с тенденциями экологическими, т.е. влияние среды на язык схоже с влиянием среды на индивида. Следовательно, изучение неологизмов с точки зрения эколингвистики являются актуальным направлением исследований. Помимо этого, стоит снова отметить, что главной целью эколингвистики должно быть не очищение языка, а поддержание его разнообразия, дополняемое сохранением существующей гармонии.

Список литературы

1. Crystal David. Language and the Internet. Cambridge.: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
2. Haugen E. The Ecology of Language. Standford.: Standford University Press, 1972. 366 p.
3. McCulloch Gretchen. Because internet: understanding the new rules of language. N.Y.: Riverhead Books, 2019. 330 p.
4. Social Media Slang Terms You Need to Know. URL: <https://www.makeuseof.com/tag/social-media-slang-terms/> (дата обращения 19.11.22)
5. The Problem of Studying Neologisms and Their Influence on the Ecology of Language. URL: https://www.researchgate.net/publication/281476409_The_Problem_of_Studying_Neologisms_and_Their_Influence_on_the_Ecology_of_Language (дата обращения 19.11.22)
6. Urban thesaurus. URL: <https://urbanthesaurus.org/> (дата обращения 19.11.22)
7. What are popular media slangs? URL: <https://www.gadgetsnow.com/faqs/what-are-popular-social-media-slangs/articleshow/78541356.cms> (дата обращения 09.11.22)

5.9.6.

Р.И. Бачиева канд. филол. наук, Л.В. Олифиренко, В.Б. Чермина

Ростовский государственный экономический университет,
кафедра «Иностранных языков для экономических специальностей»,
Ростов-на-Дону, gamzatartur4004@gmail.com, mila.olifa@mail.ru, vicfoxik@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ТВОРЧЕСТВО» В МОТИВАЦИОННОЙ КНИГЕ Э. ГИЛБЕРТ «БОЛЬШОЕ ВОЛШЕБСТВО»

В работе исследуются смысловые компоненты, конституирующие структуру концепта «творчество» в текстовом пространстве мотивационной книги Э. Гилберт «Большое волшебство». Авторы исходят из того, что индивидуальная картина мира несет на себе отпечаток языковой личности ее создателя и культуры, которой он принадлежит. Авторы приходят к выводу, что Э. Гилберт в значительной степени переосмысливает и расширяет универсальный набор смысловых компонентов, входящих в структуру концепта «творчество» для достижения требуемого перлокутивного эффекта.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, творчество.

Современная лингвокультурология, стремящаяся исследовать «взаимодействие языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой презентации», развивается в рамках антропоцентрической парадигмы [3, с. 16]. Одним из инструментов проникновения в индивидуально-авторскую картину мира является моделирование концепта.

Концепт по своей природе многомерен, его структура представляет собой точку пересечения разных типов картин мира, то есть «ядро и периферия концепта могут меняться местами в зависимости от их значимости в данный момент для индивида или группы» [2]. Индивидуальная картина мира всегда несет на себе отпечаток языковой личности ее создателя и культуры, к которой он принадлежит. Текст создается человеком, поэтому он всегда субъективен и в той или иной степени эмоционален [1, с. 34].

Целью данной статьи является экспликация индивидуально-авторских компонентов в структуре концепта «творчество» в мотивационной книге Э. Гилберт «Большое волшебство».

Научная новизна данного исследования заключается в том, что концепт «творчество» в текстовом пространстве мотивационной книги Э. Гилберт не являлся еще предметом специального рассмотрения.

Проведенное нами исследование состояло из нескольких этапов: на первом этапе методом сплошной выборки из текста мотивационной книги Э. Гилберт «Большое волшебство» были извлечены отрывки, прямо или косвенно отсылающие к идее творчества (личность творца, источники вдохновения, переживаемые творцом муки и радости творчества), на следующем этапе отрывки были сгруппированы в смысловые блоки, далее было проанализировано взаимодействие блоков друг с другом и с экстралингвистической действительностью, на заключительном этапе были сделаны выводы об субъективных характеристиках концепта «творчество» в книге Э. Гилберт.

Э. Гилберт – автор культового романа «Ешь, молись, люби» – в своей книге «Большое волшебство» исследует природу вдохновения и рассказывает о том, как пробудить в себе любопытство, преодолеть страх и начать творить.

Для экспликации базовых характеристик концепта «творчество» обратимся к данным словаря *Collins Online Dictionary*:

creativity

- *the state or quality of being creative;*
- *the ability to transcend traditional ideas, rules, patterns, relationships, or the like, and to create meaningful new ideas, forms, methods, interpretations, etc.; originality, progressiveness, or imagination;*
- *the process by which one utilizes creative ability* [4].

Таким образом, в понятие творчества входят следующие смысловые компоненты: состояние творческой активности (творческий подъем); способность, талант, выступающий в качестве условия успешной творческой деятельности, трактуемой как прорыв из традиционных рамок в новое духовное пространство; творческий процесс как таковой. Однако помимо собственно понятийного компонента в структуру концепта входят ассоциативно-образные характеристики, приписанные ему конкретным пользователем.

В мотивационной книге Э. Гилберт концепт «творчество» предстает как многослойный мыслительный конструкт, основные компоненты которого во многом противоречат существующим словарным дефинициям, отражающим «сгусток» обыденного, коллективного, эталонного сознания. Обратимся к каждому из этих смысловых компонентов в отдельности.

Творчество – врожденное качество, присущее всем людям

*Are you considering becoming a creative person? Too late, you already are one. To even call somebody a creative person is almost laughably redundant; creativity is the hallmark of our species; You can support other people in their creative efforts, acknowledging the truth that **there's plenty of room for everyone*** [5]. Э. Гилберт последовательно расширяет понятие «творчества», акцентируя наличие врожденных способностей к творчеству – скрытых сокровищ (*you have hidden treasures within you – extraordinary treasures; the jewels that are hidden within you*) – в каждом адресате, что находится в полном соответствии с коммуникативным заданием текста (помощь в преодолении творческого блока). Автор полностью десакрализует и переозначивает «классическую историю» о творце, который в силу исключительного таланта возвышается над толпой обывателей: *Ah, lovely adolescence – when “the talented” are officially shunted off from the herd, thus putting the total burden of society's creative dreams on the thin shoulders of **a few selected souls**, while condemning everyone else to live commonplace <...> existence* [5].

Творчество – животворящее начало

*She had denied herself this **life-affirming** pursuit for so long; Skating made her feel **alive** and ageless; Pursue whatever fascinates you and **brings you to life**; Or to become anything, really, that calls to your heart and **brings you to life*** [5]. Концепт «творчество» тесно смыкается в тексте Э. Гилберт с концептами «жизнь» и «радость», образ творца-мученика последовательно противопоставляется образу творца-трикстера, которому чужды негативные, саморазрушительные творческие практики. В картине мира творца-трикстера на первый план выходит игра и удовольствие от самой игры (*I will never stop creating, no matter what the outcome; <...> be satisfied with even the smallest progress, and treat the outcome of it all as unimportant*) [5].

Творчество – нечто несовершенное

*Create whatever you want to create – and let it be **stupendously imperfect**, because it's exceedingly likely that nobody will even notice* [5]. В широком контексте всей книги лексема *imperfect* приобретает особую значимость и положительные коннотации, демонстрируя крупным планом идею освобождения художника/творца от страха: *I think perfectionism is just a high-end, haute couture version of fear. I think perfectionism is just fear in fancy shoes and a mink coat, pretending to be elegant when actually it's just terrified* [5]. Недостатки трактуются как «конкурентное преимущество», выгодно отличающее данный продукт творчества от других: *I felt that my novel was an interesting finished product — maybe **even more interesting for its slightly wonky angles** — so I let it go* [5]. Говоря о своем художественном произведении, автор прибегает к оригинальной метафоре дома, чем достигает большого эмоционального

эффекта и устанавливает имплицитную интертекстуальную связь с хайдеггеровским «язык – дом бытия».

Таким образом, в пространстве мотивационной книги Э. Гилберт «Большое волшебство» концепт «творчество» подвергается значительной смысловой перестройке, выражается в оригинальных способах вербализации и отражает индивидуально-авторское осмысление системы представлений, сложившихся в отношении творчества. Содержание концепта «творчество» ориентировано на низвержение социально стратифицированных авторитетов и соотнесенных с ними культурных и ценностных ориентиров. Творчество, рассматриваемое через кривую «линзу» трикстера, лишается своей сакральной природы, становится общедоступным и несовершенным. Подобная интерпретация творчества позволяет автору достичь требуемого перлокутивного эффекта, а именно убедить адресата в правильности позиции говорящего: в возможности открыть в себе изначально данный природой творческий потенциал.

Список литературы

1. Жирова И.Г. Референциальная прагмасемантика понятийной категории интенсифицированности // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2012. № 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/> (дата обращения: 15.01.2023)
2. Лыткина О.И. К вопросу о типологии концептов в современной лингвистике // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. Вып. 2. М., 2010. С. 68-75.
3. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / под ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.
4. Collins Online Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 15.01.2023)
5. Gilbert E. Big Magic: Creative Living Beyond Fear. Bloomsbury, 2015. 273 p.

5.9.6.

¹Е.И. Кривошеева, ¹М.С. Секерина, ²В.А. Кондратенко

¹Тихоокеанский государственный университет,
Факультет востоковедения и истории,
кафедра восточных языков,
Хабаровск, enl77@mail.ru,

²Бюро профессиональных переводов ООО «Инфомакс»,
Хабаровск

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЯПОНСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

В статье рассматриваются особенности перевода японских газетных публикаций по теме военно-политического сотрудничества России со странами ближнего и дальнего зарубежья. Авторы на конкретных примерах анализируют связь лингвистических и экстралингвистических аспектов, влияющих на формирование и восприятие образа России в японском обществе, а также предлагают варианты реализации перевода для российского читателя с учетом его профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *военно-политическое сотрудничество, японский язык, перевод, экспрессивная доминанта, денотативная доминанта.*

Газетные тексты военно-политической направленности информируют о происходящих событиях и способствуют формированию отношения к описываемой ситуации у читателя. В целом, когда речь идет об отношениях между государствами и затрагивает военную сферу, необходимо понимание общей картины и осведомленность относительно позиции к происходящему в стране языка оригинала и в стране языка перевода. Искажение информации, переводческая небрежность или ошибочное понимание проблемы могут иметь серьезные последствия.

В текстах военно-политической направленности принято выделять две основные коммуникативные задачи. Установку на информацию или контекст выполняет денотативная доминанта, а реализацию установки на убеждение обеспечивает экспрессивная доминанта. Рассмотрим проявление функциональных доминант в вышеуказанном типе текстов и определим их влияние на процесс перевода. В качестве материала использованы статьи японских экспертов в военной и политической сферах, затрагивающие недавние события, где Россия принимала непосредственное участие. В частности, материалы о Командно-штабных учениях «Кавказ-2020» в рамках Договора об Организации коллективной безопасности (ОДКБ) и сближении России и КНР в военной сфере.

Для начала, обратимся к переводу на основе лексических элементов. 他方、アメリカ以上にNATO諸国や日本などにとっても「中ロ同盟」が厄介な存在となることは確実だ。アメリカの同盟諸国も当然ながら「中ロ同盟」にとっては明確な仮想敵国になるからである [6]. «С другой стороны, нет сомнений в том, что для Японии и остальных стран, входящих в НАТО, существование альянса России и Китая будет обременительным явлением, так как страны-союзники США автоматически станут для такого альянса явным потенциальным противником».

В первом предложении в отношении альянса России и Китая употребляется прилагательное厄介 «сложный, хлопотный, обременительный» [4, с.848], имеющий негативную коннотацию в японском языке. Оценочность лексемы, несомненно, повлияет на восприятие текста реципиентом. Во втором предложении любопытно употребление слова仮想敵国- «потенциальный (предполагаемый, вероятный) противник» [4, с.141]. Автор

помещает его в компанию лексем 確實 – «достоверный, определенный» и 当然 – «само собой разумеется, естественно». Подобный прием придает суждениям уверенность и содержит установку на убеждение в их правильности и бесспорности.

Отношения России и НАТО были и остаются напряженными на протяжении всей своей истории. Военный подъем Китая последних лет также беспокоит США, ибо это чревато утратой влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В свою очередь Китай, рассматривает военное присутствие США в регионе как угрозу своей безопасности. В приведенном отрывке автор использует прием противопоставления, акцентируя, что именно для России и Китая страны НАТО являются «потенциальным противником». Это косвенно подводит к мысли о том, что угроза исходит со стороны альянса, и он настроен враждебно. В отрывке доминирует экспрессивная функция, которая и формирует негативное отношение у реципиента.

Рассмотрим пример проявления денотативной функции в тексте. 演習実施地域は、南部軍管区内を中心とするロシア国内、アルメニア国内、ジョージア（グルジア）の分離独立地域で事実上ロシアの軍事占領下にあるアブハジア及び南オセチアの演習場計14ヶ所と黒海及びカスピ海であった [5]. «Район, в котором проводились учения, включает Южный военный округ России, Армению, Абхазию, Южную Осетию, всего 14 полигонов, а также акваторию Черного и Каспийского морей». Интересно пояснение к региону «Абхазия»: ジョージア（グルジア）の分離独立地域で事実上ロシアの軍事占領下にある, дословно – «независимый регион, отделившийся от Грузии, но фактически оккупированный российскими войсками».

Как известно, в результате вооруженного конфликта 2008 года, Россия выступила на стороне Абхазии и признала республику в качестве независимого государства. Термин «оккупация» был впервые употреблен в августе 2008 года в постановлении парламента Грузии, которая считает республику частью своей территории [2]. Главы МИД Большой семерки, куда входит Япония, осудили Россию за действия в регионе, также скопировав в своем заявлении данный термин [1]. Очевидно, что японский автор придерживается официальной позиции своего государства. Однако переводя данный отрывок для широкого читателя, мы не можем повторить формулировки, используемые в тексте, поэтому будет уместно применить переводческий прием опущения и убрать вышеуказанное определение. Заметим, что наши действия будут являться оправданными только в случае, если адресован широкому российскому читателю. При выполнении перевода для политологов, а также российских военных экспертов, необходимо оставить подчеркнуто-официальную позицию Японии в данном тексте.

Рассмотрим пример перевода на основе грамматических элементов. ロシアにしてみれば、アルメニアへの直接軍事支援はアゼルバイジャンとの関係断絶を招くことは必至であるという計算が働くのだろうが、このような事情を抱えている以上、集団防衛体制としてのCSTOの信頼性には大きな疑問符が付されざるを得まい [5]. «Возможно, в случае с Россией действует расчет на то, что прямая военная помощь Армении неминуемо приведет к разрыву отношений с Азербайджаном, но находясь в подобном положении, она, вероятно, будет вынуждена поставить под большой вопрос надежность ОДКБ как организации коллективной обороны».

Абзац завершает глагол付する «присоединить, прикрепить» [4, с.732] в сложной двухкомпонентной грамматической форме: ざるを得まい со значением «нельзя избежать выполнения чего-либо; не иметь другого выбора, как...» [4, с.102] и まい «вероятно не...» [4, с.361]. Первая употребляется, когда деятель вынужден совершить действие, так как не может избежать его по ряду причин, а вторая служит выражением предположения говорящего о том, что действие вряд ли произойдет. Вместе они дают значение «вероятно должно будет случиться», однако включают в себя оттенок нежелательности оговоренного действия. Причину употребления автором именно этого сплава грамматических конструкций можно объяснить, обратившись к контексту.

Россия и Армения, как члены ОДКБ несут определенные взаимные обязательства. С другой стороны, Россия поддерживает добрососедские отношения с Азербайджаном. Стремясь к обеспечению мира и стабильности в регионе, наша страна придерживается позиции, что разрешение ситуации и достижение компромисса лежит, в первую очередь, на представителях двух государств [3]. Говоря о том, что Россия «будет вынуждена поставить под большой вопрос надежность ОДКБ как организации коллективной обороны», автор, вероятно, имеет в виду обязательства России по договору, упомянутые выше. Однако данная формулировка свидетельствует о доминировании в предложении экспрессивной функции, а именно негативной оценки действий России, которая в немалой степени достигается использованием ранее рассмотренной грамматической конструкции.

С целью влияния на реципиента автор привлекает стилистически-окрашенную лексику, выделяя ту информацию, которую считает важной для донесения коммуникативной установки. В этом случае задачей перевода является передача денотативной или экспрессивной функции, заложенной в текст в каждом конкретном случае. Интерпретация определенных языковых единиц предполагает наличие у переводчика обширных экстралингвистических знаний, таких как владение информацией о текущих политических процессах в отношениях между государствами и осведомленность о позициях каждой из сторон на фоне исторического и культурного наследия наций. Важно учитывать, кем именно будет являться реципиент, чтобы избежать непонимания и обратной реакции вследствие различий в общепринятом отношении к какой-либо проблеме, официально формируемой каждым государством.

Список литературы

1. "Большая семерка" осудила Россию за признание Южной Осетии и Абхазии [Электронный ресурс]: Лента.Ру - Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2008/08/28/condemn> (дата обращения 13.01.2021)
2. Грузия объявила Южную Осетию и Абхазию оккупированными территориями [Электронный ресурс]: РИА Новости - Режим доступа: <https://ria.ru/20080828/150770017.html> (дата обращения: 01.02.2021)
3. *Маркедонов С.М.* Россия в процессе нагорно-карабахского урегулирования [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/ebb/rossiya-v-processe-nagorno-karabahskogo-uregulirovaniya.pdf> (дата обращения: 01.02.2021)
4. コンサイス和露辞典 第3版, 三省堂, 2005, 928ページ.
5. 「カフカス2020」演習に見るロシアの「軍事演習外交」 [Электронный ресурс]: 国際情報ネットワーク分析- Режим доступа: <https://www.spf.org/iina/articles/konda-inftreaty-usa.html> (дата обращения 22.12.2022).
6. 北村淳 中国とロシア、深まる軍事交流 なぜ日本の警戒感は薄いのか [Электронный ресурс]: The Asahi shinbun GLOBE+ - Режим доступа: <https://globe.asahi.com/article/12911843> (дата обращения 22.01.2021)

5.9.8. – ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)

5.9.8.

Н.В. Зененко, Л.П. Сон

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра романских языков,
Москва, zenenko@mail.ru, luciason@mail.ru

**КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ФЕНОМЕН БИПОЛЯРНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КУБИНСКИХ ПОЭТОВ)**

*«В одно окно смотрели двое.
Один увидел дождь и грязь
Другой – листвы зелёной вязь,
Весну и небо голубое.
В одно окно смотрели двое...»*

Омар Хайям

Статья посвящена исследованию модели мира в понимании кубинских поэтов середины XX века; анализу использования имплицатур поэтического дискурса и их многоплановой роли в формировании картины мира у читателя. Актуальность данной тематики подтверждается высокой степенью заинтересованности со стороны современных исследователей в области лингвокогнитологии, лингвopsихологии, лингвокультурологии, лингвосоциологии.

Ключевые слова: картина мира, поэтический дискурс, имплицатуры поэтического дискурса, авторская интерпретация.

Реалии современного мира, глобальные и локальные геополитические конфликты невольно возвращают нас в прошлое, заставляют искать ответы на витальные вопросы, которые возникают в условиях стремительно меняющейся картины мира.

Понятие «картина мира» – это одно из фундаментальных понятий постмодернистской философии, представляющее собой глобальную модель мира, которая лежит в основе мировидения человека, формируется в результате всей совокупности контактов индивида с окружающей действительностью, интегрирует в себе специфику бытия человека и становится объектом его интерпретации. Являясь, в свою очередь, ключевым понятием антропоцентрической парадигмы, широко используется в междисциплинарных исследованиях XX-XXI вв. [Г.В. Колшанский (1990), В.А. Маслова (2001), О.А. Корнилов (2003), В.Н. Телия (2007), В.И. Карасик (2004, 2016), М.В. Пименова (2002), З.Д. Попова (2002), И.А. Стернин (2002), А.А. Кретов (2016) и др.].

Термин «картина мира» был введен в научный обиход Л. Вайсгербером (нем. *Johann Leo Weisgerber*), одним из последователей идей В. Гумбольдта и активных представителей актуального научного направления XX века – неогумбольдтианства. Известный немецкий языковед Л. Вайсгербер выстраивал свою научную концепцию исходя из того, что картина мира усваивается носителем языка с раннего детства в процессе познания и изучения

окружающего мира, при этом родной язык становится основой, своего рода проводником к пониманию и интерпретации окружающего мира: происходит процесс осмысления мира членами языкового сообщества в соответствии с внутренней формой родного языка [1, с. 114-124], поскольку именно через язык реализуются когнитивные способности человека посредством индивидуальной интерпретации действительности и ее дальнейшей экстраполяцией в коллективное сознание и наоборот. Становится очевидным, что «картина мира многогранна, а система представлений человека о мире изменчива» [5, с. 137].

Понятие «картина мира» неразрывно связано с понятием «языковая картина мира», т.к. посредством языка, его богатейших и разнообразных средств осуществляется трансляция восприятия и понимания картины мира как отдельно взятым индивидом, так и всеми членам языкового сообщества. А поскольку, по мнению В. Гумбольдта, «язык есть не продукт деятельности, а деятельность» [4, с. 66], становится очевидным, что он формирует не только «языковую картину мира», но и этническую картину мира.

Согласно гипотезе лингвистической относительности, сформулированной Б. Уорфом, именно язык обладает приоритетностью в формировании картины мира для носителя того или иного языка, и процесс этот происходит неосознанно: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» и поэтому «сходные физические явления позволяют сформировать сходную картину вселенной только при сходстве, или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [7, с. 174-175].

Однако в рамках одного языкового сообщества можно выделить множество картин мира, представленных ее функциональными вариантами, поскольку каждое языковое пространство формируется в соответствии с варьированием как социального, так и индивидуального – (авторская/ субъективная модальность) функционирования языка, где важная роль отводится поэтическому дискурсу.

Поэтический дискурс научным сообществом понимается как самостоятельный тип дискурса [А.А. Реформатский (1987), С.Ф. Гончаренко (1995), Л.С. Макарова (2005), В.И. Карасик (2009), П.А. Ковалев (2010), В.Т. Малыгин (2017) и др.]. По мнению В.И. Карасика, «с позиций дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [3, с. 326].

Одним из основных способов моделирования той или иной картины мира являются выразительные средства языка, которые обладают особым интерпретационным потенциалом, поэтому поэтический дискурс становится композитным когнитивно-лингвистическим пространством ее применения. Если любой дискурс рассматривать как своего рода код определенных смыслов, то поэтический дискурс как никакой другой обладает приоритетностью в плане кодирования смысла высказывания посредством языковых и неязыковых компонентов. С этих позиций поэтический дискурс мы рассматриваем как процесс интерактивного взаимодействия автора и читателя. Таким образом, поэтический дискурс – это «процесс возвышенной поэтической коммуникации между автором и читателем, в котором максимально выражено субъективно-эмоциональное отношение автора к явлениям действительности определенного лингвокультурного сообщества с учетом его культурных, эстетических, исторических норм и ценностей» [6, с. 295].

Мы исследуем картину мира, которая представлена в поэтическом творчестве кубинских поэтов середины XX века. Их произведения были посвящены революционным процессам, происходящим в стране в период 1953-1959 гг., возглавляемых известными латиноамериканскими команданте Фиделем Кастро (исп. *Fidel Castro*) и Эрнесто Че Гевара (исп. *Ernesto Che Guevara*). Мастера слова неоднозначно, нередко страстно, интерпретировали события того времени, принимая или не принимая кубинскую революцию и влияя тем самым на индивидуальную картину мира адресата.

Чтобы составить некоторое представление о картине мира периода Кубинской революции, проанализируем стихотворение известного кубинского поэта и композитора Карлоса Пуэбла (исп. *Carlos Manuel Puebla*), которого называли «Певцом революции» (исп. *El Cantor de la*

Revolución). Стихотворение было написано в начале 60-х годов и посвящено лидеру революции Фиделю Кастро (исп. *Fidel Castro*), впоследствии ставшего руководителем Республики Куба на долгие годы.

В первых строках сочинения автор обращается к морю, к горам, чтобы именно они сказали верные, истинные и правдивые слова о Фиделе: *para hablar de Fidel hay que ceder la palabra al mar, pedir su testimonio a las montañas* (исп.) – чтобы говорить о Фиделе, нужно спросить разрешения у моря, и чтобы горы стали тому свидетелями (рус.). Используя литературные приемы – антропоморфизм и персонификацию, автор наделяет окружающий физический мир свойствами человека, как интегрального объекта природы, а именно способностью говорить и быть свидетелем столь значимого события. Затем появляются птицы, которые по всему свету разносят хвалебные слова Фиделю: *los pájaros propagan su biografía, saben su edad y repiten su nombre* (исп.) – птицы всем рассказывают о нем, знают сколько ему лет и повторяют его имя (рус.). Природа становится протагонистом поэтического дискурса: автор стихотворения хочет сказать, что и на земле, и на море, и на небе – повсюду знают и восхищаются команданте Фиделем Кастро (исп. *Fidel Castro*), которого кубинский творец называет героем.

Поэтический текст усиливается стилистической фигурой эпифорой, когда в конце каждой строфы повторяется одно и то же слово, в данном случае это слово *historia* (история): *los héroes tienen historia, hacen historia, son historia* (исп.) – герои несут свою историю, они творят историю, они и есть сама история (рус.). Тем самым автор стихов стремится подчеркнуть важнейшую роль, которую сыграл Ф. Кастро в истории своего государства. В этом примере, наряду с эпифорой поэт использует такой синтаксический прием как градация, призванный в большей степени повысить значимость образа Фиделя – вождя революции.

И далее, в подтверждение этой мысли, Карлос Пуэбла (исп. *Carlos Manuel Puebla*) видит своего героя, объединяющего миллионы кубинцев, в героическом марше против американского капитала, но при этом, автор не конкретизирует название страны, а именно, Соединенные Штаты Америки, используя большое количество имплицатур: *Casa Blanca, cuadratura del Pentágono, un millón de cubanos cara al Norte* (исп.) – Белый Дом, квадрататура Пентагона, миллионы кубинцев, чьи лица обращены на север (рус.). Имплицатуры поэтического дискурсы раскрывают картину мира того времени, образ которой завершает метафорическое сравнение Фиделя Кастро со всем латиноамериканским континентом: *el perfil de Fidel es el perfil de América Latina* (исп.) – Фидель – это путеводная звезда Латинской Америки (рус.).

Таким образом, апология Фиделя Кастро (исп. *Fidel Castro*), образ новой Кубы, который достигается за счет использования изобразительных ресурсов испанского языка, невольно, поскольку в поэтическом тексте об этом ни сказано ни слова, приводит к извлечению из нашей памяти знаменитого лозунга Кубинской революции *Patria o muerte* (исп.) – Родина или смерть (рус.). Эмоциональный накал стихотворения, его апогей в финале поэмы завершает формирование у адресата картины мира Кубинской революции того периода, созданную Паблосом Пуэбл (исп. *Carlos Manuel Puebla*): картину радости, силы, веры в ее правоту и непоколебимость.

Стихотворение другого кубинского поэта Эберто Падийя (исп. *Hebertot Padilla*) “Discurso del método”, посвященное описанию революционных событий того же периода, создает совершенно иную картину. Стихотворение начинается с обращения автора к читателю в доверительной форме при помощи местоимения второго лица единственного числа *tú* (исп.) – ты (рус.), как к старому другу, готового поделиться с ним своей болью. А боль эта – *termina el bombardeo; entre las ruinas; sillón destruido; un montón de libros rotos* (исп.) – закончился обстрел, посреди руин, сломанное кресло, обрывки книг (рус.), где руины – это образ разгромленной страны, сломанное кресло – символ разрушенного дома и привычного жизненного уклада, а обрывки книг – духовный крах, к которому привела революция.

Автор предостерегает читателя: *ten desconfianza de la mejor criada; no le entregues las llaves al chofer; no le confíes la perra, al jardinero; no te ilusiones con las noticias de onda corta* (исп.) – не верь своему самому преданному слуге; не отдавай ключи от машины водителю; не жалея собаку, не доверяй своему садовнику; не ведись на хорошие новости (рус.). Используя метонимический перенос (преданный слуга, собака – символ дружбы, водитель – дорога, движение вперед, садовник – тот, кто творит, работает на завтрашний день), автор упреждает своего друга-читателя о том, что вся привычные ценности поменялись, жизнь стала другой, без друзей, без веры, без будущего.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации и спасти своего друга-читателя Э. Падийя (исп. *Hebertot Padilla*) предлагает ему бежать из страны: *yo le aconsejo que corras enseguida; huye por la escalera del jardín; que te largues de una vez y para siempre* (исп.) – я советую тебе бежать немедленно; беги по лестнице, ведущей в сад; уезжай однажды и навсегда (рус.). Повелительное наклонение, анафора (*ya* – уже) и синтаксический прием градации, используемые поэтом, усиливают эмоциональное воздействие на читателя, а последующие поэтические строки не оставляют ему выбора – покинуть страну. А именно: *ya están quitando las barricadas de los parques, ya los asaltadores del poder están subiendo a la tribuna. ya el perro, el jardinero, el chofer, la criada están allí aplaudiendo* (исп.) – уже в парке сносят баррикады, уже узурпаторы власти восходят на трибуну, и им уже рукоплещут собака, садовник, водитель и слуга (рус.), т.е. все те персонажи, предательство которых предвидел автор.

В другом своем стихотворении “Paisages” Э. Падийя (исп. *Hebertot Padilla*) проводит читателя по улицам революционной Гаваны, утратившей былое благополучие: *verdes o rojos o amarillos, descascarándose con el agua y el sol, el viento arranca los letreros de Coca-Cola, los relojes cortesía de Canada Dry están parados, chisporrotean, rotos, bajo la lluvia, los anuncios de neón* (исп.) – зеленая, красная и желтая краска облупилась от солнца и влаги; ветер срывает рекламные щиты Кока-колы, давно остановились часы фирмы Canada Dry, повсюду слышится треск разбитой неоновой рекламы (рус.). Автор намеренно выбирает яркие эпитеты облупившихся красок, поскольку Куба – это страна жаркого солнца, праздничных карнавалов, неумеренного темперамента. И все это разрушилось, исчезло, что наряду с метонимическим образом сломанных часов указывает на остановившееся время и на царящую в стране депрессию.

Поэтические импликатуры создают у читателя грустную, даже трагическую картину Гаваны, которую завершает следующая строка: *y encima hay unas letras toscas con que alguien ha escrito PATRIA O MUERTE* (исп.) – и прямо над ней (над разбитой неоновой рекламой) чьей-то рукой коряво выведена надпись РОДИНА ИЛИ СМЕРТЬ (рус.): сарказм граничит с безысходностью, потерей веры, Родины и будущего.

Одна и та же фраза – *Родина или смерть*, которая в одном случае домысливается по прочтении стихотворения Карлоса Пуэбла, посвященного триумфу Кубинской революции, и которая, в другом случае, венчает стихотворение Э. Падийя, наполненного трагизмом и разочарованием в революционных событиях на Кубе в 1953-1959 гг.

Таким образом, поэтический дискурс с его богатством и разнообразием поэтических импликатур, является композитным когнитивным пространством, которое, посредством авторской интерпретации действительности, способно формировать у адресата полифонию противоречивости картины мира и ее ценностей. Анализ поэтического дискурса периода Кубинской революции доказывает правомерность и высокую степень актуальности такого подхода, поскольку на современном этапе исторического развития мы являемся свидетелями глобальных мировых потрясений, которые требуют осмысления, и в этом случае поэзия может стать одним из проводников, приближающих нас к истине...

Список литературы

1. Вайсгербер Й.Л. Язык и философия. [Текст] / Й.Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 114-124.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. [Текст] / Л.С. Выготский – Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис – 2009. – 406 с.
4. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М. 1960. С. 66.
5. Зененко Н.В., Сон Л.П. Концептосфера «Фантазия» в фольклорно-языковой картине мира (на материале испанской волшебной сказки) / Н.В. Зененко, Л.П. Сон // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки - № 6 2021. – С. 136-138.
6. Тляшев Н.В. Специфика поэтического дискурса в англоязычной и русскоязычной лингвокультурных традициях. [Текст] / Н.В. Тляшев – Доклады Башкирского университета. Том 5, № 4, 2020 – С. 294-295.
7. Уорф Б.Л. Наука и языкознание. [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1960 б. – С. 169-183.

5.9.8.

Э.И. Котелевская

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
кафедра Литературы,
linochka01@yahoo.com

КАРТИНА МИРА И СПЕЦИФИКА ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье рассматривается феномен картины мира и специфика индивидуальной и коллективной интерпретации опыта. Поднимается вопрос об отличии индивидуального опыта и «жизненной интуиции» коммуниканта, о схожести картин мира людей, имеющих общий менталитет и культурный код. Говорится о том, что картина мира — это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некоторая интерпретация. Делается вывод, что картина мира — это не «окно» в мир, а именно картина: не бывает картин, которые бы совсем не выражали ничего существенного в мире, и не бывает картин, противоречащих законам мышления и мира.

Ключевые слова: картина мира, интерпретация, научная картина мира, художественный образ.

Век глобализации диктует актуальные тенденции, на которых основано мировидение людей. В современном обществе процветают шаблонные способы взаимодействия, клишированные коммуникативные акты. Удобство понимания, краткость и скорость обработки информации в процессе взаимодействия выступают ведущими критериями для успешной коммуникации. Все области жизни испытывают влияние общего, коллективного, обусловленного совместными принципами, но нельзя не обратить внимания на факт многообразия человеческих представлений о мире, образов мира, или картин мира, сменяющих друг друга в ходе исторического развития человечества, а иногда и сосуществующих в одну историческую эпоху. Очевидным становится вопрос: как можно объяснить данную ситуацию? Почему при том, что мир один, картин мира у людей много и они такие разные?

С нашей точки зрения, специфика бытия человека состоит в том, что мир в своих глубинных свойствах скрыт от его глаз. Для проникновения в смысл мира и познания его сущности человеку необходимо вырабатывать собственный образ мира в ходе специальной деятельности по отображению и интерпретации мира. Формирование образа мира сугубо индивидуально. Приобретая опыт, путешествуя, обучаясь, а также коммуницируя с людьми разного культурно-географического круга, индивид получает новые знания и основываясь на этом опыте формирует личное представление о мире.

Картина мира — это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некоторая интерпретация. Акты миропонимания осуществляются отдельными субъектами (коллективными и индивидуальными), а эти субъекты разительно отличаются друг от друга. Они могут обладать различными природными способностями и склонностями и по-разному связаны с культурой своего времени. Их контакты с миром всегда уникальны. «Одним поэтам присуще звуковое восприятие мира, другим зрительное, — писал И. Г. Эренбург - Блок слышал, Маяковский видел, Мандельштам жил в различных стихиях» [6, с. 313].

По словам А. Ф. Лосева, «в каждом человеке можно заметить, как бы ни была богата его психика... одну общую линию понимания вещей и обращения с ними», которая «свойственна только ему и никому больше» [2, с. 80–84]. Эта первичная примитивно-интуитивная реакция человеческого сознания на вещи, возникающая в актах общего, простейшего до рефлексивного, интуитивного взаимоотношения человека с ними, есть его изначально-жизненная интуиция, исходное мироощущение человека, которое не может не наложить своего отпечатка на характер организации его личной картины мира.

Исходное мироощущение человека является врожденным, но образ мира, составляющий ядро картины мира, нельзя признать таковым. Он формируется у человека в процессе всей его жизнедеятельности, в ходе всех его контактов с миром и на базе самых разнообразных его способностей. На картины мира влияет сфера деятельности субъекта, внося в нее определенные профессиональные черты, свои глубины и свои деформации. Картины мира философа, ученого, художника и композитора будут разительно отличаться друг от друга по типу проработки и представления исходного образа мира.

В строгом смысле слова существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром. Субъектом картины мира, смотрящим на мир и изображающим свое видение, могут быть: 1. отдельный человек (эмпирический субъект), 2. отдельная группа людей (сообщество), 3. отдельный народ (народы), 4) человечество в целом.

Из всего вышесказанного следует вывод, что не бывает картин мира полностью внечеловеческих, так как картины мира есть всегда картины, увиденные глазами человека. Это не «окна» в мир, а именно картины: не бывает картин, которые бы совсем не выражали ничего существенного в мире, и не бывает картин, противоречащих законам мышления и мира.

Общая картина мира является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной из ее сторон - чувственных форм отражения (восприятия, представления, созерцания, воображения) или понятийной (сознания, бессознательного или сверхсознательного моментов работы человеческой психики) [4, с. 19].

«Мир человеческого духа» потерпел бы крушение с исчезновением хотя бы одного из главных составляющих сферы человеческого сознания- познавательного, нравственного и эстетического компонентов. Каждая из сфер сознания в настоящее время располагает особой специализированной отраслью духовного производства: в познавательной сфере такой отраслью является наука, в нравственной - мораль и право, в эстетической - искусство [3, с. 6].

Несводимость человеческого духа к своим основным началам означает в свою очередь, что целостный образ мира, формируемый человеком в процессе своей жизнедеятельности, не может быть сведен к редуцированному образу мира, формируемому в одной из специализированных отраслей духовного производства. Ведь образ мира, формируемый в каждой из областей человеческой деятельности, есть отражение реальности через определенную призму мировидения, имеющую свой особый угол зрения.

В отличие от науки создающий «мир» искусственно сконструированных идеальных абстрактных объектов, формирующих модель реального мира, искусство, религия и их общий генетический источник - мифология представляют реальность в «реальноподобных формах» с помощью деятельности воображения, не абстрагирующей от конкретности бытия [1, с. 97].

Искусство не может претендовать на создание общей картины мира вследствие своего субъективного характера и, следовательно, принципиальной недостижимости независимого от ценностно-мировоззренческих установок художника мировидения. «Художественный образ, - пишет П. Налневский, - есть не «сочетание и сосуществование» познания и оценки, а их истинно органическое единение» [5, с. 106 -107]. Искусство в состоянии скорее создать адекватную картину не внешнего мира (хотя и здесь оно, сливаясь с философией и мифологией, способно достичь известной адекватности миропонимания), а картину субъективных миров - внутренней духовной жизни человека во всей ее целостности и полноте.

Художественные образы мира, как и научные, охватывают мир также лишь в определенных аспектах, а не мир в целом, обладающий бесконечным разнообразием. Художественно-музыкальная картина мира, имитирующая ритмику мира, воспринимает мир так же односторонне, как и физическая картина мира, моделирующая мир в виде абстрактных объектов - волн, кварков и виртуальных частиц. И мир, открывшийся музыканту, и мир, открывшийся физическому, это не отдельный где-то существующий

автономный мир, а всего лишь аспект реального бесконечного единого мира, на который с других позиций смотрят поэт, математик и человек, занятый предметно-практической деятельностью.

Итак, целостный образ мира создается человеком в практике его разнообразных контактов с миром при участии всех форм сознания – дотеоретического (обыденного), теоретического (научного и философского) и внетеоретического (религиозно-мифологического и художественного).

Проблема единства картины мира у человека при многовариантности путей ее созидания у отдельных субъектов (коллективных и индивидуальных), или, в другой терминологии, проблема инвариантного образа мира через синтез своих вариантов, является одной из самых дискуссионных. Вопрос, может ли возникнуть одна универсальная целостная картина бытия, проблематичен. Скорее всего, отношение между различными типами представлений реальности строится по принципу дополнительности, которое и обеспечивает внутреннюю целостность мировоззрения.

Список литературы

1. *Каган М.С.* О духовном: (Опыт категориального анализа) // *Вопр. филос.* 1985. №9. – 97 с.
2. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии // *Алексей Федорович Лосев.* - М.: Мысль, 1993. - 959 с.
3. *Никитин Д.Л.* Природа обоснования. М., 1981.
4. *Симонов П.В.* Неосознаваемое психическое: подсознание и сверхсознание // *Природа.* 1983. №3. – 50 с.
5. *Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: Образ, мера, характер.* М., 1962. – 150 с.
6. *Эренбург И.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1963–1967. Т. 8. – 350 с.

5.9.8.

Л.В. Хатухова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
laura.khatukhova@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ ПОЗИЦИОННЫХ ГЛАГОЛОВ В ЗНАЧЕНИИ *СИДЕТЬ* (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНСКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье сопоставительному анализу подвергается один из глаголов позиции кабардинского языка в значении 'сидеть' и его корреляты в русском и английском языках. Проверяется гипотеза типологов о том, что корреляты этого глагола в языках мира, расширяя свое концептуальное содержание, выступают в экзистенциальном значении, что обеспечивает их переход в разряд грамматикализованных элементов языка.

Ключевые слова: концептуализация, этноспецифический, позиционный глагол, межъязыковой, грамматикализация.

В связи с развитием когнитивной парадигмы знания глаголы позиции (англ. posture verbs) вызывают неуклонный интерес лингвистов ввиду того, что эти лексические единицы в значении “стоять”, “сидеть”, “лежать” характеризуются разветвленной семантической структурой и широко используются в целях грамматикализации в языках мира [7]. Под грамматикализацией, вслед за В.А. Плунгяном, мы понимаем «исторический процесс превращения **неграмматической** единицы языка в **грамматическую** или появления у некоторой единицы языка большего числа грамматических свойств» (выделено нами – Л.Х.) Плунгян [2]. Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию этих глаголов в языках мира (см. например, [7, 1], в силу целого ряда причин объективного и субъективного характера незаслуженно обойдены вниманием исследователей их семантические (концептуальные) корреляты в адыгских языках вообще и в кабардино-черкесском (в дальнейшем, для краткости кабардинский язык или КЯ), в частности. Так, невыясненными до настоящего времени остаются вопросы полисемии этих глаголов, обусловленные их концептуальным расширением, механизмы переосмысления их исходных пространственных значений, приводящих к приобретению ими грамматических свойств. Отсюда задача данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать семантическую структуры лексемы **щысын** с точки зрения широко распространенного теоретического допущения, в соответствии с которым глаголы позиции в широко используются в языках мира для обозначения таких концептов как «находиться» и «жить» (frequently, sit morphemes also mean “stay” and “live” [8]. Здесь мы солидарны с автором в том, что идея «положение субъекта в пространстве» в КЯ передается, как мы увидим ниже, именно корневой морфемой, а не лексемой со значением «sit».

Итак, в КЯ языке, как и во многих других языках существует три глагола, передающие основные типы расположения субъекта в пространстве: **щы-Т-ын** (стоять), **щы-ЛЪ-ын** (лежать), **щы-С-ын** (стоять). Нетрудно видеть, что формальное отличие этих глаголов состоит в срединном элементе – корневых морфемах (выделены заглавными буквами) – которые являются носителем лексического значения каждой из этих лексем. Конечный элемент **-н** – это показатель инфинитива и не является релевантным для наших рассуждений, в виду чего оставляем его без внимания; элемент **щы** – это глагольный префикс (в кавказском языкознании - преверб), который передает обобщенное значение локализации (ср. ‘в каком угодно месте’, ‘в каком-либо месте’) без указания на место локализации. При необходимости уточнения конкретного типа локализации субъекта преверб **щы** – заменяется одним из многих превербов, выражающим этот тип локализации (ср. русск. **в**, **под**, **над** и **in**,

under, on и т.д.). Преверб, являясь семантическим (концептуальным) аналогом предлога, располагается не перед именем существительным как в русском и английском языках, а инкорпорируется в структуру глагольной лексемы, образуя самостоятельную единицу (ср. *месын* 'сидеть на', букв. *насидеть*; *исын* 'сидеть в', букв. *всидеть*, с одной стороны и *sit on, sit in*). Ввиду слабой разработанности метаязыка словарных дефиниций в КЯ текст собственно толкования в [5] предваряется русскими эквивалентами, затем через косую линию следует текст дефиниции на КЯ. Для облегчения восприятия материала все иллюстративные примеры будем приводить в русском переводе, но с пометкой каб., имея в виду то, что этот пример является переводом с КЯ. При представлении лексикографического портрета лексемы *щысын* будем пользоваться термином лексико-семантический вариант (ЛСВ), памятуя о том, что ЛСВ – это двусторонняя единица языка, т.е. слово в одном из его значений. Отсюда получается, что количество ЛСВ слова и количество его значений совпадают. Итак, лексема *щысын* представлена в [5] четырьмя ЛСВ. Сохранив количество значений, в целях удобства преобразуем порядок их представления:

(1) сидеть

(2) зэхъ. сидеть в тюрьме, находиться в заключении

(3) зэхъ. вдовствовать, жить одиноко.

(4) располагаться, находиться (о населенном пункте)

Как видно, ЛСВ (1) передается через русский *сидеть* (ср. англ. *sit*), который можно считать его эквивалентом. Значение (2) с пометой зэхъ (=перен.) подается также при помощи русских эквивалентов. В данном случае оно реализуется в таких примерах как: (каб.) *его посадили до войны и он сидел много лет*. Такое же значение у русской лексемы *сидеть* выделяет и словарь Ожегова [3]. Ср. отбывать наказание в тюрьме (разг.). *Сидит за хулиганство*. Нетрудно заметить, что лексемы-корреляты в русском и английском языках во втором значении практически полностью совпадают: *she sits in prison* и *она сидит в тюрьме*, т.е. в обоих примерах присутствует глагол со значением 'сидеть'. Вместе с тем, в русском тексте дефиниции ЛСВ (3) мы усматриваем своеобразный семантический синкретизм, т.е. здесь реализуются два значения, которые мы определим как: а) вдовствовать, жить вдовой, вдовцом, не вступая в другой брак; ср. пример. (каб.) *после смерти мужа она очень долго сидела*; б) быть, оставаться незамужней, ср. (каб.) *отвергнув всех женихов, она просидела до преклонного возраста* (ср. русск. *просидеть в девках*). Английский коррелят *sit* в контекстах такого рода практически не используется (ср. *stay/remain a widow, stay/remain unmarried*, при невозможном **sit a widow, *sit unmarried*). Что касается ЛСВ (4), здесь мы наблюдаем такое концептуальное расширение искомой лексемы, которая отмечалась в [7] Сравним русский и кабардинский примеры:

(каб.) *В прошлом веке здесь сидело (щысащ) кабардинское село*

В данном случае лексема *сидеть* реализует, как видно, значение 'располагаться, находиться'. Любопытно, что локализация села (деревни) в русском языке концептуализируется через глагол «стоять», а не «сидеть». Ср. *до войны здесь стояла деревишка; деревня стояла на берегу озера*. Интересно, что английский язык в таких случаях использует коррелят глагола «стоять» (ср. *The camp stood where, until quite lately, had been pasture and ploughland* [9]). И, наконец, приведем пример использования глагола *щысын* (вернее, морфемы -с-) в грамматической функции. Переведем несколько фраз на КЯ:

Ср. *В зоопарке проживает много слонов* — (каб.) *В зоопарке сидит много слонов* (There are a lot of elephants...)

Волки живут в лесу — (каб.) *Волки сидят в лесу* (ср. *Wolves live in mountainous terrain*).

В этой речке водится много рыбы — (каб.) *В этой речке сидит много рыбы* (ср. *there are a lot of fish in this river*).

Примеры можно множить. Здесь нам важно было продемонстрировать, что кабардинский коррелят глаголов *сидеть* и *sit* в данных примерах не используется в локативном значении (слон сидит на тумбе <на арене цирка> и букв. каб. слон сидит в зоопарке). Мы полагаем, что кабардинский глагол *щысын*, в отличие от коррелятов в русском и английском языках

выступает в роли служебного слова, конкретнее, – связочного глагола (англ. copula). Русский язык, как правило, в таких случаях обходится без связки (*в лесу много зверей*), английский же использует глагол to be – предикат с широкой понятийной основой. Конечно, использование корпусных данных в русском и английском языках может внести коррективы в наши наблюдения, которые, тем не менее, будут полезны для дальнейших исследований в этом направлении. В заключение отметим, что еще на одном из языков мира – кабардино-черкесском – мы подтвердили допущение, выдвинутое в [7]

Список литературы

1. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
2. Плунгян В.А. Грамматикализация. Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/GRAMMATIKALIZATSIYA.html.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/сидеть>.
4. Словарь русского языка в 4 томах (Малый академический словарь) / Под ред. А. П. Евгеньевой. 1985-1988 гг. [Электронный ресурс]- <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-russkogo-jazyka-v-4-tomah-malyj-akademicheskij-slovar/>
5. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.
6. The Free Dictionary by Farlex. Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com>.
7. Newman J., Rice S. Patterns of usage for English SIT, STAND, and LIE: A cognitively-inspired exploration in corpus linguistics. Режим доступа: <http://www.cs.utoronto.ca/~suzanne/2540/readings/newman-rice.pdf>.
8. Newman J. A cross-linguistic overview of the posture verbs ‘sit’, ‘stand’, and ‘lie’. In John Newman, ed. The linguistics of sitting, standing, and lying. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 2002. P. 1-24.
9. Waugh E. Brideshead revisited. Режим доступа: <http://www.e4thai.com/e4e/images/pdf/100BBCbooks/BridesheadRevisited.pdf>.

5.9.9. – МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ)**5.9.9.**

**В.И. Антонова д-р филол. наук, Д.А. Бакеева канд. культурологии,
Н.М. Фролова канд. социол. наук**

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
филологический факультет,
кафедра журналистики,
Саранск, belkich@rambler.ru, bakeeva.di@yandex.ru, nmfrol@mail.ru

**ПРИОРИТЕТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЖАНРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ**

Взрослий в последние годы интерес в обществе к проблемам журналистского творчества совпал по времени с новым этапом в развитии средств массовой информации – их функционированием в условиях демократических преобразований и атмосферы гласности, в результате чего жанровая система массмедиа основательно изменилась. Трансформации в СМИ произошли как под влиянием серьезных перемен в социальной структуре, так и под воздействием организационно-технологических ноу-хау в инфраструктуре информационно-вещательной деятельности. Цель статьи – детерминировать некоторые жанрообразовательные ориентиры в медиатекстах графических изданий регионального социума.

Ключевые слова: *медиатекст, инвариации, жанр, форма, синкретизация, коннотация, трансформации, жанрообразование.*

Медийные тексты, выраженные в разнопрофильных жанровых вариациях, принимают сегодня новые морфологические конструкции; некоторые структурные элементы форм с течением времени нивелируются, другие, наоборот, высвечиваются ярче, и формы медиатекстов предстают перед читателями в современных инвариациях. Тенденция к взаимопроникновению, диффузии разнообразных форм текстов очевидна как в центральной, так и в современной региональной журналистике.

Говоря о жанрообразовательных явлениях в современных графических СМИ, необходимо пояснить, что в большинстве своем трансформации являются результатом коннотативных и синкретичных процессов. Под коннотативностью форм коммуникационных продуктов подразумевается проявление дополнительных оттенков в структурной морфологии текстов. Так, газетное обозрение можно обозначить «цепью» однородных структурных образований форм медиатекстов. Но, в то же время, цикл информационного ряда газетного обозрения может комбинироваться из различных содержательно-морфологических форм одновременно. Жанровые фрагменты, сливаясь в целое, формируют, в конечном итоге, жанр обозрения.

Жанр обзора печати, представляющий цикл из нескольких информационных сообщений, объединенных одной, либо – условно – различными темами, сегодня может также состоять из различных сегментов жанров: заметок, отчетов, писем, рецензий, мини-корреспонденций.

Жанр письма – эпистолярная классическая форма в современных изданиях нередко выражается в формах статей, корреспонденций, заметок различного тематического наполнения, репортажей, фельетонов, эссе и пр.

Иллюстративным примером коннотативных процессов является письмо-корреспонденция в региональном издании – «Неприметная эта частица – люфт рулевого колеса» (Комс. Правда. Пенза-Саранск. – 2005. – 3–10 марта). По функциональному смыслу – это письмо; по структурно-содержательному – корреспонденция.

«Коннотативность» нередко проявляется в интервью-полилоге, состоящем, в сущности, из фрагментов интервью-беседы [1, с. 81]. Вопросы и ответы собеседников нередко представляют собой самостоятельные жанровые образования: информационные корреспонденции, заметки, зарисовки. Таким образом, многие жанровые формы на полосах современных изданий, с одной стороны, являются автономными традиционными образованиями, с другой – коннотативно трансформированными видами. В целом, процесс коннотативности – явление в региональной журналистике позитивное, так как жанры приобретают новое звучание, новый смысл.

Не менее интересный момент современного жанрообразования – синкретичность форм медийных текстов. Слово «синкретизм» в переводе с греческого – «соединение», «объединение». Синкретичность подразумевает слияние фрагментов жанровых форм в единую структуру, характеризующуюся слитностью, нерасчлененностью. Синкретизм жанров также явление как позитивное, так и негативное. Варьирования жанровых фрагментов, в результате которых возникают новые жанровые образования, свидетельствует о творческом подходе журналистов. В результате данного процесса жанровая палитра изданий обогащается новыми формами медийных продуктов, хотя жанры в результате неумелого подхода «теряют» собственное звучание, становятся аморфными, безликими.

На полосах региональной прессы нечасто встречаются «чистые» жанры, но синкретичные жанровые формы – явление обычное. Так, корреспонденция немыслима без элементов интервью, отчета, репортажа; репортаж – без фрагментов зарисовки, отчета, корреспонденции, элементов интерактивных форм и т.д. Кроме того, в современном очерке непременно репортажные, зарисовочные фрагменты; в статье – подвиды интервью, элементы репортажа, отчета; в рецензии – отчета, репортажа, зарисовки, полилога и пр. [3, с. 149]. Подобные диффузные явления были присущи региональной журналистике и ранее, но сегодня синкретизация является одной из основных особенностей жанрообразования медиатекстов. Синтез жанров особенно нагляден в корреспонденциях, репортажах, отчетах, в некоторых видах интервью, то есть, в формах творчества, наиболее употребляемых журналистами региональных изданий.

Ярким примером синкретизации жанровых форм может служить корреспонденция «С именем Аллаха на устах» (Республика Башкортостан. – 2001. – 10 марта), которая «осложнена» элементами репортажа, интервью, зарисовки, отчета. В публикации эмоционально отображается процесс возрождения мусульманских традиций, обрядов, праздник Курбан-байрам. Еще несколько лет назад подобное событие отразилось бы в жанре отчета, но современные процессы синкретизации журналистских форм позволяют читателям «увидеть» происходящее, «прочувствовать» событие, «услышать» мнения присутствующих на празднике.

Синкретизм в интерактивных формах можно наблюдать в интервью-диалоге «Россия созрела для монархии» (Вечерний Саранск. – 2004. – 27 окт.). Жанр интересен не только тематическим содержанием; обращает на себя внимание своеобразное оформление структуры интервью. Ответы отца Вадима представляют собой «сплавы» из различных жанровых фрагментов. Читатель сталкивается в ответах с элементами жанра эссе, (хотя эссеистическая манера изложения нехарактерна для региональных изданий). Респондент, служитель церкви, философствует: «...Я отвергаю фанатизм, и в православии, в том числе. Потому что это прелесть. Я сам долгое время в ней пребывал. До принятия сана я был фанатиком – то есть, был в прелести. У меня не было любви к людям. В этом каюсь...». В диалоге также имеют место элементы репортажа.

В целом, коннотативные и синкретичные процессы влекут за собой структурно-содержательные трансформации жанровых форм, являются предпосылкой для возникновения форм медиатекстов. Так, под результатом «двойного воздействия» (коннотативных и синкретичных процессов) сформировался новый жанр – «авторский монолог», возникший из интервью-монолога, долгое время пребывавшего в маргинальной (как структурной, так и содержательной) форме [2, с. 88].

Интервью-монолог более других претерпел модификационные трансформации. «Пишется» авторский монолог, как правило, не журналистом, а «автором извне». Современный авторский монолог – это «рассказ», свидетельство очевидца, соучастника о каких-либо событиях, явлениях, действиях, процессах, судьбах. В жанре, как правило, повествуется о жизнедеятельности «рассказчика», увлечениях, мировоззренческой позиции и пр. Функции журналиста выражаются в лишь «представлении» респондента на полосе издания, в корректорско-редакторской правке «авторского» текста. Это один из немногих жанров, который в результате жанрообразовательных процессов трансформировался в самостоятельный жанровый вид. Примеров монологов можно привести множество. Всех их объединяет полифункциональность, гибридность, многосоставность. (При всем этом, журналистское «я» присутствует в жанре. Это выражается в ориентировке «рассказчика», редакторской правке, оформлении и пр.). По структуре монолог может быть выражен в различных формах: статьи, корреспонденции, репортажа, зарисовки, фельетона; в журналистской периодике – в эссе и т. д. Преимущество современных монологов в том, что читатели получают сведения «из первых рук»; поэтому авторские монологи популярны в изданиях.

Таким образом, анализ прессы свидетельствует о том, что современные формы журналистского творчества находятся на стадии совершенствования, становления. Под влиянием коннотативных и синкретичных процессов, способствующих новационным, позитивным трансформациям, в формах медиатекстов «откладываются» наиболее существенные, характерные черты, которые, закрепляясь, служат «фундаментом» для возникновения новых, более гибких модификаций. Лишь с течением времени из жанровых форм «отсеиваются» ненужные сегменты, и структуры приобретают новое, современное звучание. Консеквентные варьирования жанровых фрагментов при сочетании с академическими установками в креативе работников печати свидетельствуют о творческом подходе журналистов, в результате чего жанровая палитра медиатекстов периодических изданий обогащается новыми, современными конструктами.

Список литературы

1. Антонова В.И. Научная аргументация жанра в современной теории журналистики: учеб. пособие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. – 92 с.
2. Антонова В.И. Жанры в творчестве журналистов региональных изданий: традиции, опыт, новации: учеб. пособие. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2005. – 136 с.
3. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 2017. – 320 с.

АННОТАЦИИ

М.В. Аксёнова, Е.И. Никанорова, Т.Н. Плесканиук
ОБРАЗ РОССИИ В РЕЦЕПЦИИ У.С. МОЭМА НА ПРИМЕРЕ
НОВЕЛЛЫ «БЕЛЬЁ МИСТЕРА ХАРРИНГТОНА» (1928)

Ключевые слова: образ России,

У.С. Моэм, путешествие, кросс-культурная коммуникация.

Статья посвящена анализу восприятия России в начале XX века известным английским писателем и публицистом У.С. Моэмом, отразившим свои впечатления в сборнике художественных новелл «Эшенден, или Британский агент» (1928). Рассказы основаны на личном опыте автора, находившегося в России в качестве сотрудника британской разведки. Показано отношение писателя к сложившемуся режиму в стране через призму познания и оценку событий художественным героем. Доказывается важность данного произведения для понимания особенности восприятия России в иностранной литературе и культуре.

О.О. Есафьева, И.В. Зосимова, Н.А. Просина
СТИХОТВОРНЫЙ ТЕКСТ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: стихотворный текст,

лингвостилистический анализ, синтаксис, Рерих.

В статье предпринята попытка лингвостилистического анализа стихотворных текстов Н.К. Рериха. Анализ производится на синтаксическом уровне. На материале поэтических текстов показаны особенности использования синтаксических средств выразительности.

Ц.Ц. Огдонова

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ «ОДЕЖДА» В ДИАЛЕКТНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ключевые слова: диалектная лингвокультура, говоры русских старожилов, номинации одежды, особенности репрезентации. В статье определяются особенности репрезентации тематической группы «Одежда» в диалектной культуре Байкальской Сибири. Среди них выделяются основные особенности: тематическая гетерогенность, культурный полиморфизм, социокультурная дифференцированность и вариативность (формальная и лексико-семантическая).

А.С. Онегина, Е.Н. Коростенко
ДИАЛЕКТНАЯ ПРОМЫСЛОВАЯ ЛЕКСИКА
В СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРНОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ
Е.Ш. ГАЛИМОВОЙ «СЕРЕБРЯНАЯ РЫБИНА»)

Ключевые слова: Северный текст,

диалектная лексика, тематическая группа.

В данной статье произведён анализ диалектного материала текстов сборника рассказов Е.Ш. Галимовой «Серебряная рыбина», выявлены тематические группы промысловой лексики, проведено сопоставление исследуемого языкового материала с данными диалектных словарей XIX-XX веков, отмечена уникальность промысловой лексики, включённой в современный Северный текст.

И.В. Родионова
ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К НАПИСАНИЮ ВЫПУСКНОЙ
КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ
ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: выпускная квалификационная работа, русский язык как иностранный,

обучение, иностранные военнослужащие.

В настоящей статье рассматриваются вопросы, возникающие в ходе подготовки иностранных военнослужащих к написанию выпускной квалификационной работы в процессе обучения русскому языку. Данная проблематика находит отражение в практике преподавания русского языка как иностранного. Исследуются составляющие введенного в программу обучения

M.V. Aksenova, E.I. Nickanorova, T.N. Pleskanyuk
THE IMAGE OF RUSSIA IN THE RECEPTION
OF W.S. MAUGHAM ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL
"MR. HARRINGTON'S WASHING" (1928)

Keywords: the image of Russia,

W.S. Maugham, travel, cross-cultural communication.

The article is devoted to the analysis of the perception of Russia at the beginning of the XX century by the famous English writer and publicist W.S. Maugham, who reflected his impressions in the collection of fiction short stories "Ashenden, or the British Agent" (1928). The stories are based on the personal experience of the author, who was in Russia as an employee of British intelligence. The author's attitude to the current regime in the country is shown through the prism of cognition and evaluation of events by the character. The importance of this work for understanding the peculiarities of the perception of Russia in foreign literature and culture is proved.

O.O. Esafeva, I.V. Zosimova, N.A. Prosina
POETIC TEXT AND SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSION

Keywords: poetic text,

linguo-stylistic analysis, syntactic, Roerich.

The article attempts a linguo-stylistic analysis of the poetic texts of N.K. Roerich at the syntactic level, in particular on the material of poetic texts, the features of the use of syntactic means of expression are shown.

Ts.Ts. Ogdonova

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF THE
THEMATIC GROUP «CLOTHES» IN DIALECT
LINGUOCULTURE

Keywords: dialect linguoculture, dialects of Russian old-timers, clothing nominations, features of representation.

The article defines the features of the representation of the thematic group «Clothes» in the dialect culture of Baikal Siberia. Among them, the main features are distinguished: thematic heterogeneity, cultural polymorphism, socio-cultural differentiation and variability (formal and lexico-semantic).

A.S. Onegina, E.N. Korostenko
DIALECT TRADE LEXICON IN THE MODERN NORTHERN
TEXT (BASED ON THE COLLECTION OF STORIES BY
E.SH. GALIMOVA "SILVER FISH")

Keywords: Northern text, dialect vocabulary, thematic group.

This article analyzes the dialect material of the texts of the collection of stories by E.Sh. Galimova "Silver Fish", identified thematic groups of fishing vocabulary, compared the studied language material with the data of dialect dictionaries of the 19th-20th centuries, noted the uniqueness of the fishing vocabulary included in the modern Northern text.

I.V. Rodionova
ISSUES OF TRAINING FOREIGN SERVICEMEN
TO WRITE A FINAL QUALIFYING WORK IN THE
PROCESS OF LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: final qualifying work, Russian as a foreign language, training, foreign servicemen.

This article discusses the issues arising during the preparation of foreign servicemen for writing a final qualifying work in the process of teaching the Russian language. This problem is reflected in the practice of teaching Russian as a foreign language. The components of the module introduced into the Russian language training program to assist students in writing their final qualifying work are investigated. The article contains a number of conclusions of practical interest for teachers of

русскому языку модуля для оказания обучающимся написанию выпускной квалификационной работы. В статье содержится ряд помощи при выводов, представляющих практический интерес для преподавателей русского языка как иностранного в плане формирования у иностранных военнослужащих необходимых компетенций на основе приобретенных знаний, навыков и умений.

А.Б. Черняева

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ
КОНЦЕПТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В
ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА С. ЕСЕНИНА)

Ключевые слова: картина мира,
концепт, лингвокультура, репрезентация.

В статье рассматриваются национальные концепты «осень», «береза», «странник», «журавли», «рябина», выявляется их специфика в творчестве С. Есенина и соотносится с национальной когнитивной картиной мира при изучении русского языка как иностранного.

Т.С. Шевченко

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В
ПРАГМАТОНИМАХ, ОСНОВАННЫХ НА
БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: прагматонимы, безэквивалентная лексика, ономастика, лингвокультурология, прагматическая лингвистика.

В работе представлены результаты изучения прагматонимов Павловопосадской платочной мануфактуры (ППМ) с точки зрения их способности отражать ценности и концепты русской культуры. Выявлена роль безэквивалентной лексики в создании торговых названий с этнокультурной спецификой. Приведена классификация прагматонимов ППМ по данному критерию.

И.В. Шерстяных

ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО ГОВОРЯ
В МЕТАТЕКСТОВОЙ ФУНКЦИИ

Ключевые слова: вводно-модальное слово, дискурсивное слово, метамаркер, метапоказатель, метаязыковая функция, языковая рефлексия.

В статье предлагается коммуникативно-прагматический анализ слова «говоря» в его дискурсивном употреблении, формальным показателем такого употребления является вхождение слова в состав метатекстовых комментаторов языковой рефлексии. Статья содержит описание таксономии функционирующих в речи вербальных маркеров языковой рефлексии с метаконструкцией «говоря» типа «честно говоря», «иначе говоря» и под. Установлено, что в основе экспликации языковой рефлексии относительно важных для языкового сознания носителей русского языка параметров речевого выражения лежит реализация дискурсивных функций, характерных для вводно-модальных слов: вербализация рефлексии говорящего по отношению к высказыванию, экспликация оценочности, персуазивности, авторизации, осуществление фатической функции.

Д.О. Алимбеков

ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ
НЕОЛОГИЗМОВ И СЛЕНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Ключевые слова: сленг, социальные сети, эколлингвистика, неологизмы.

В работе представлены влияния современных эколлингвистических тенденций на формирование неологизмов.

Р.И. Бачиева, Л.В. Олифиренко, В.Б. Черемина

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА
«ТВОРЧЕСТВО» В МОТИВАЦИОННОЙ КНИГЕ Э. ГИЛБЕРТ
«БОЛЬШОЕ ВОЛШЕБСТВО»

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, творчество.

Russian as a foreign language in terms of the formation of foreign servicemen necessary competencies based on acquired knowledge, skills and abilities.

A.B. Chernyaeva

THE NATIONAL CONCEPTS REPRESENTATION
FEATURES DURING THE LITERATURE STUDY IN THE
RUSSIAN LANGUAGE CLASSES FOR FOREIGN
AUDIENCES (BASED ON THE WORKS OF S. ESENIN)

Keywords: world view, concept, linguo-culture, representation. The article considers the national concepts of "Autumn", "Birch", "Wanderer", "Cranes", "Rowan tree" and investigates their specificity in the works of S. Yesenin in correlation with the national cognitive world view in studying of Russian as a foreign language.

T.S. Shevchenko

REPRESENTATION OF RUSSIAN CULTURE IN
PRAGMATONIMS BASED ON CULTURE-SPECIFIC
RUSSIAN LEXIS

Keywords: pragmatonims, culture-specific lexis, onomastics, linguoculturology, pragmalinguistics.

The work presents the results of pragmatonims study with regard to their ability to reflect the values and concepts of the Russian culture. The role of culture-specific lexis in creating trade names with national and cultural specifics has been detected. Pragmatonims have been classified in accordance with this criterion.

I.V. Sherstyanykh

A DISCURSIVE WORD SPEAKING
IN A METATEXT FUNCTION

Keywords: introductory modal word, discursive word, metamarker, metaindicator, metalanguage function, language reflection.

The article offers a communicative and pragmatic analysis of the word "speaking" in its discursive use, the formal indicator of such use is the entry of the word into the metatext commentators of language reflection. The article contains a description of the taxonomy of verbal markers of language reflection functioning in speech with a metacomponent "speaking" of the type "frankly speaking", "in other words" and under. It is established that the basis of explication of linguistic reflection regarding the parameters of speech expression important for the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language is the realization of discursive functions characteristic of introductory modal words: verbalization of the speaker's reflection in relation to the utterance, explication of evaluativeness, persistence, authorization, implementation of the phatic function.

D.O. Alimbekov

AN ECOLINGUISTIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF
NEOLOGISMS AND SLANG IN SOCIAL NETWORKS

Keywords: slang, social networks, ecolinguistics, neologisms. The paper presents the influence of modern linguistic trends on the formation of neologisms.

R.I. Bachieva, L.V. Olifirenko, V.B. Cheremina

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE CONCEPT
"CREATIVITY" IN A SELF-HELP BOOK BY E. GILBERT
"BIG MAGIC"

Keywords: linguoculture, concept, creativity.

В работе исследуются смысловые компоненты, конституирующие структуру концепта «творчество» в текстовом пространстве мотивационной книги Э. Гилберт «Большое волшебство». Авторы исходят из того, что индивидуальная картина мира несет на себе отпечаток языковой личности ее создателя и культуры, которой он принадлежит. Авторы приходят к выводу, что Э. Гилберт в значительной степени переосмысливает и расширяет универсальный набор смысловых компонентов, входящих в структуру концепта «творчество» для достижения требуемого перлокутивного эффекта.

The paper explores the semantic components that constitute the structure of the concept "creativity" in E. Gilbert's self-help book "Big Magic". The authors assume that individual world views bear the imprint of the language personality of their creators and of the culture to which they belong. The authors conclude that E. Gilbert significantly reevaluates and expands the universal set of semantic components constituting the structure of the concept "creativity" in order to achieve the required perlocutionary effect.

Е.И. Кривошеева, М.С. Секерина, В.А. Кондратенко
РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ ПРИ
ПЕРЕВОДЕ ЯПОНСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ВОЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С
ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

Ключевые слова: военно-политическое сотрудничество,
японский язык, перевод, экспрессивная доминанта,
денотативная доминанта.

В статье рассматриваются особенности перевода японских газетных публикаций по теме военно-политического сотрудничества России со странами ближнего и дальнего зарубежья. Авторы на конкретных примерах анализируют связь лингвистических и экстралингвистических аспектов, влияющих на формирование и восприятие образа России в японском обществе, а также предлагают варианты реализации перевода для российского читателя с учетом его профессиональной деятельности.

E.I. Krivosheeva, M.S. Sekerina, V.A. Kondratyeva
EXTRA-LINGUISTIC DOMINANTS ROLE IN THE
TRANSLATION OF JAPANESE PUBLICATIONS ON THE
THEME OF MILITARY-POLITICAL COOPERATION OF
RUSSIA WITH FOREIGN COUNTRIES

Keywords: military-political cooperation, Japanese language,
translation, expressive dominant, denotative dominant.

The article discusses the translation features of Japanese news articles on the topic of Russia's military-political cooperation with foreign countries. Using specific examples, the authors analyze the relationship between linguistic and extralinguistic aspects that influence the formation and perception of the image of Russia in Japanese society, and also offer translation options for the Russian reader, taking into account his professional activities.

Н.В. Зененко, Л.П. Сон
КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЭТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА: ФЕНОМЕН БИПОЛЯРНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ КУБИНСКИХ ПОЭТОВ)

Ключевые слова: картина мира,
поэтический дискурс, имплицатуры поэтического дискурса,
авторская интерпретация.

Статья посвящена исследованию модели мира в понимании кубинских поэтов середины XX века; анализу использования имплицатур поэтического дискурса и их многоплановой роли в формировании картины мира у читателя. Актуальность данной тематики подтверждается высокой степенью заинтересованности со стороны современных исследователей в области лингвокогнитологии, лингвopsихологии, лингвокультурологии, лингвосоциологии.

N.V. Zenenko, L.P. Son
A PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM
OF POETIC DISCOURSE: THE PHENOMENON
OF BIPOLARITY (BASED ON THE WORKS
OF KUBAN POETS)

Keywords: worldview, poetic discourse,
implicatures of poetic discourse, author's interpretation.

The article is devoted to the study of the world model in the understanding of modern Cuban poets, the use of the implicatures of poetic discourse and their multifaceted role in shaping the reader's worldview.

Э.И. Котелевская
КАРТИНА МИРА И СПЕЦИФИКА ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ключевые слова: картина мира, интерпретация,
научная картина мира, художественный образ.

В статье рассматривается феномен картины мира и специфика индивидуальной и коллективной интерпретации опыта. Поднимается вопрос об отличии индивидуального опыта и «жизненной интуиции» коммуниканта, о схожести картин мира людей, имеющих общий менталитет и культурный код. Говорится о том, что картина мира — это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некоторая интерпретация. Делается вывод, что картина мира — это не «окно» в мир, а именно картина: не бывает картин, которые бы совсем не выражали ничего существенного в мире, и не бывает картин, противоречащих законам мышления и мира.

E.I. Kotelevskaya
THE PICTURE OF THE WORLD AND THE SPECIFICS
OF ITS INTERPRETATION

Keywords: picture of the world, interpretation,
scientific picture of the world, artistic image.

The article examines the phenomenon of the worldview and the specifics of individual and collective interpretation of experience. The question is raised about the difference between individual experience and the "life intuition" of an individual, but about the similarity of the pictures of the world of people who have a common mentality and cultural code. It is said that the picture of the world is not a mirror image of the world, but there is always some interpretation. It is concluded that the picture of the world is not a "window" into the world, namely a picture: there are no pictures that would not express anything significant in the world at all, and there are no pictures that contradict the laws of thinking and the world.

Л.В. Хатухова
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ ПОЗИЦИОННЫХ
ГЛАГОЛОВ В ЗНАЧЕНИИ СИДЕТЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНСКОГО, РУССКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: концептуализация, этноспецифический,
позиционный глагол, межъязыковой, грамматикализация.

L.V. Khatukhova
CONCEPTUAL EXTENSION OF POSTURE VERBS
IN THE MEANING OF 'SIT' (IN KABARDIAN,
RUSSIAN AND ENGLISH)

Keywords: conceptualization, ethnospecific,
posture verb, cross linguistic, grammaticalization.
The article is the analysis of one of the Kabardian posture verbs

В статье сопоставительному анализу подвергается один из глаголов позиции кабардинского языка в значении 'сидеть' и его корреляты в русском и английском языках. Проверяется гипотеза типологов о том, что корреляты этого глагола в языках мира, расширяя свое концептуальное содержание, выступают в экзистенциальном значении, что обеспечивает их переход в разряд грамматикализованных элементов языка.

В.И. Антонова, Д.А. Бакеева, Н.М. Фролова
ПРИОРИТЕТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
ЖАНРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

Ключевые слова: медиатекст, инвариации, жанр, форма, синкретизация, коннотация, трансформации, жанрообразование.

Возросший в последние годы интерес в обществе к проблемам журналистского творчества совпал по времени с новым этапом в развитии средств массовой информации – их функционированием в условиях демократических преобразований и атмосферы гласности, в результате чего жанровая система массмедиа основательно изменилась. Трансформации в СМИ произошли как под влиянием серьезных перемен в социальной структуре, так и под воздействием организационно-технологических ноу-хау в инфраструктуре информационно-вещательной деятельности. Цель статьи – детерминировать некоторые жанрообразовательные ориентиры в медиатекстах графических изданий регионального социума.

in the meaning of 'sit' and its correlates in Russian and English. It is also aimed at checking the assumption of scholars according to which across languages the posture verb semantically extended acquire existential sense to ensure its transition to the category of grammaticalized elements.

V.I. Antonova, D.A. Bakeeva, N.M. Frolova
PRIORITY GUIDELINES OF GENRE-FORMING
PROCESSES IN THE REGIONAL PRESS

Keywords: media text, invariations, genre, form, syncretization, connotation, transformations, genre formation.

The increased interest in the problems of journalistic creativity in society in recent years coincided with a new stage in the development of mass media – their functioning in conditions of democratic transformations and an atmosphere of publicity, as a result of which the genre system of mass media has changed fundamentally. Transformations in the media have occurred both under the influence of serious changes in the social structure and under the influence of organizational and technological know-how in the infrastructure of information and broadcasting activities. The purpose of the article is to determine some genre-forming guidelines in the media texts of graphic publications of the regional society.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2023

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 25.02.2023

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 25.02.2023

6,4 усл.печ.л. 7,9 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 5350.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»